ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 25 Января 1849 года.

Ценсоръ *И. Срезневскій*.

СОЧИНЕНІЯ

НАХИМОВА.

Блеснуть искусствомъ я ни мало не искалъ;
Что сильно чувствовалъ, то смѣло написалъ.

ИЗДАНІЕ

Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1849.

Цѣна за сочиненія Нахимова, Милонова и Судовщикова
1 руб. серебромъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

КЪ

СОЧИНЕНІЯМЪ

НАХИМОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАДПИСИ:

ЭПИГРАММЫ

ЭПИТАФІИ:

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:

ЛИРИЧЕСКІЯ:

СВЯЩЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ:

ПРОЗА.

МНѢНІЕ О СОЧИНЕНІЯХЪ НАХИМОВА.

Сочиненія Нахимова ни мало не похожи на такія, которыя до тѣхъ только поръ и живутъ, пока они на языкѣ у самого автора: въ нихъ видна равная степень изобрѣтательности и отдѣлки. Правда, пороки, которые онъ разилъ, по гнусности своей, разнообразны до безконечности. Но признаться надобно: чѣмъ труднѣе брать ихъ истинно сатирическія стороны, тѣмъ болѣе потребно искусства и остроумія для того, чтобы сдѣлать ихъ пріятными даже тѣмъ, отъ кого они заимствованы, и не оскорбить тонкаго чувства людей образованныхъ. — Нахимовъ успѣлъ въ этомъ совершенно.

Забавно для насъ одно только, именно: многіе, разумѣется, такіе, которые уже не стоятъ *бумаги и чернилъ*, берутъ нѣкоторые отрывки его прямо на свой счетъ. Всякой подумаетъ, что такіе вмѣняютъ себѣ въ честь — видѣть точное изображеніе себя въ печатной книгѣ и еще стихами, да и отмѣнными!

Замѣтимъ для таковыхъ, что *критика*, *сатира* и *пасквиль*, сколько повидимому ни похожи другъ на друга, но разнятся между собою чрезвычайно. Всѣ три имѣютъ въ предметѣ — выставлять недостатки произведеній человѣческихъ; но

Критика показываетъ погрѣшности и ошибки для того, чтобы воспользовался замѣчаніями тотъ, къ кому они относятся. Притомъ справедливый критикъ замѣчаетъ и совершенства.

Сатира показываетъ одни недостатки и остроумно осмѣи-

ваетъ ихъ, не касаясь личности тѣхъ, въ комъ замѣчаются сіи недостатки.

Пасквиль также показываетъ недостатки и осмѣиваетъ ихъ; но тутъ сочинитель указываетъ именно на какое-нибудь лицо. А поелику въ образованныхъ обществахъ всякой такой поступокъ противенъ благопристойности и притомъ вреденъ для описываемаго лица, то такія сочиненія строго запрещаются.

Куда жъ теперь отнесемъ мы сочиненія Нахимова? Конечно, ко второму роду. И смѣшенъ будетъ тотъ, кто превратитъ сатиру въ пасквиль для себя.

(Украинской Вѣстникъ 1816. *N I.)*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Престань, Нахимовъ, злобу свѣта
И жребій свой ты проклинать;
Послушай моего совѣта,
И ты забудешь тосковать.

Судьба тебѣ опредѣлила
Въ семъ мірѣ нѣсколько пожить;
По милости своей рѣшила
Тебя въ число людей вмѣстить.

Такъ сдѣлалось, какъ ей угодно:
Ты чувствуешь, что ты живешь;
Летаешь мыслями свободно,
Сидишь и ходишь, ѣшь и пьёшь.

Чего жъ, безумный, ты желаешь,
И жребій свой за что клянешь;
Тоскуешь, бѣсишься, мечтаешь,
Съ досады волосы дерешь? —

Того ль, что жизнь твоя не вѣчна,
Что будешь ты ничто — опять;

Что дни твои такъ скоротечны,
Всегда что долженъ смерти ждать;

Что ты не созданъ Исполиномъ, *)
Вольтеръ какого описалъ;
Или Аммона **) славнымъ сыномъ,
Предъ коимъ свѣтъ весь трепеталъ;

Сокровищъ Креза не стяжаешь,
Не столь премудръ, какъ Соломонъ,
Не такъ красно мысли выражаешь,
Какъ Демосоенъ, иль Цицеронъ;

Не можешь такъ играть на лирѣ,
Какъ славный Тимоеей ***) игралъ,
И дерзостно парить въ эоирѣ,
Какъ нѣкогда парилъ Дедалъ ****);

Прелестнаго Альцибіада
Что ты не одаренъ красой,
И милой Нимфы нѣжна взгляда
Плѣнить не можешь ты собой;

---

*) Мекромегасъ.

**) Такъ называли Ливійскаго Юпитера. Александръ Македонскій наименовалъ себя его сыномъ.

***) Милетянинъ, музыкальный стихотворецъ, процвѣтавшій около 340 года до Рожд. Хр. при Александрѣ Великомъ.

****) Извѣстный аоинскій художникъ, строившій Лабиринтъ въ Критѣ, въ который и былъ посаженъ первый вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ, но откуда спасся прикленвши крылья къ своимъ и его плечамъ.

Не знаешь свѣтска обращенья:
Задумчивъ, медленъ, нелюдимъ;
Не любишь шумнаго веселья:
Суровымъ кажешься и злымъ;

Что ты совсѣмъ почти нѣмѣешь,
Какъ должно съ дамой говорить,
Подсѣсть подъ бокъ ты къ ней не смѣешь,
Не можешь въ модномъ свѣтѣ жить, —

Не то ли духъ твой возмущаетъ,
И не даетъ покойно спать;
Тебя не то ли заставляетъ
Всегда на жребій свой роптать?

Или, о будущемъ мечтая,
Въ немъ бѣдствія грозящи зришь
И, ихъ всечасно ожидая,
Чрезъ то себя несчастнымъ чтишь?

Оставь мечту сію нелѣпу
И впредь пустого не желай;
Престань въ тоску вдаваться слѣпо,
Печали мнимы презирай,

Судьба, иль Божье провидѣнье
Тебя желало произвесть
Не для того, чтобъ лишь мученье
Тебѣ въ семъ мірѣ перенесть.

Оно премудро, совершенно,
Ты въ томъ увѣренъ долженъ быть,

Законъ Его всенепремѣнной,
Чтобъ тварямъ всѣмъ благотворить.

Но слабый смертный не измѣритъ
Путей невидимыхъ Его;
Колеблется, вопитъ, не вѣритъ,
Трепещетъ часто отъ всего.

Затѣмъ-то долженъ ты рѣшиться,
Чтобъ впредь великодушнѣй быть;
И что съ тобою ни случится,
Съ терпѣньемъ всё переносить.

Отъ мнимаго добра прямое
Всегда старайся отличать,
Чтобъ привидѣніе пустое
За счастіе не почитать.

Люби всѣмъ сердцемъ добродѣтель,
И мнѣніямъ не вѣрь людскимъ;
Пусть совѣсть будетъ лишь свидѣтель
И мыслямъ и дѣламъ твоимъ.

Достигнуть мудрости старайся,
Себя наиболѣе познай;
Душею къ Богу прилѣпляйся
И къ ближнему любовь питай.

Гнушайся глупымъ суевѣрьемъ,
Нелѣпы бредни презирай;
Не пышностью, но просвѣщеньемъ
Себя отъ черни отличай.

Бѣги притворства и обмана;
Боярамъ знатнымъ ты не льсти:
Въ различныхъ орденахъ болвана
Болваномъ, а не богомъ чти.

Хоть лестью то себѣ доставишь,
Что будешь въ лентѣ и съ крестомъ;
Но счастливъ ты чрезъ то не станешь,
Коль счастья нѣтъ въ тебѣ самомъ.

Лишь прямо тотъ блаженъ, кто честенъ,
Находитъ сладость кто въ добрѣ:
Хоть въ мірѣ онъ не такъ извѣстенъ,
Но онъ спокоенъ самъ въ себѣ.

Для добраго нѣтъ бѣдства въ свѣтѣ,
Оно злодѣямъ лишь грозитъ:
Такъ Богъ сказалъ въ своемъ завѣтѣ,
И такъ намъ здравый умъ гласитъ.

Хоть смертныхъ часто обольщаетъ
Богатство, слава, красота;
Но все то гибнетъ, исчезаетъ,
Какъ-будто пыль, или мечта.

Одно добро лишь неизмѣнно:
Его источникъ есть самъ Богъ! —
Когда бъ всегда ты несомнѣнно
Въ сихъ мысляхъ пребывать возмогъ,

Тогда бъ ты счастьемъ наслаждался
Средь самыхъ горестнѣйшихъ дней,

И смѣло къ цѣли приближался
Сей жизни временной своей.

Того смерть только устрашаетъ,
Злодѣйства кто всегда творитъ!
Прошедшее его терзаетъ,
Отрады въ будущемъ не зритъ.

Взгляни на злобнаго Нерона,
Какъ умиралъ ужасно онъ;
Сравни Сократа, Фокіона:
Кончина ихъ . . . пріятный сонъ. —

О семъ, Нахимовъ, ты прилежно
Всегда какъ станешь размышлять,
То будешь мирно, безмятежно
Свою ты жизнь препровождать.

Хотя бы землю съ твердью всею
Грозила бездна поглотить,
Но мужа праваго душею
Ничто, ничто не устрашитъ *).

---

*) Найдено написанное на печатной книгѣ послѣ первыхъ двухъ изданій при разборѣ библіотеки сочинителя.

САТИРИЧЕСКІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РОССІЙСКОЙ ГРАММАТИКѢ *).

Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ.
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать азы способенъ и привыченъ:
Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человѣкъ,
И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ. —
Въ Россіи изстари ведутся грамотѣи,
Преборзые писцы, прехитры крючкодѣи,
Которыхъ дивная, пернатая рука,
Какъ лошадь почтова поспѣшна и прытка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся литеры съ различными хвостами.
Писать — велика вещь, достойная трудовъ;

---

*) Читанное сочинителемъ при началѣ курса Словесности для гражданскихъ чиновниковъ.

Но льзя ль безъ горести взирать на тѣхъ писцовъ,
Которы пишутъ такъ проворно, крючковато,
Да только безъ пути, не ясно, длинновато?
Тарабарщина плодъ ихъ жалкаго пера! —
Подобно до временъ Великаго Петра
Изъ лыкъ сандаліи Чухонцы соплетали,
Однако же они искусства въ томъ не знали;
Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
Чухонскій лапоть вдругъ видъ новый получилъ. а)
Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
Чтобъ жить съ Грамматикой всегда въ связи и
дружно.
Являютъ опыты, что безъ науки сей
Калѣка, иль слѣпецъ несчастный грамотѣй! б)
Искусно съ глазъ его бѣльмо она снимаетъ;
О, чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ;
Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеститъ.
Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
Премѣны дивныя и чудное устройство!
Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
«Такого-то писца ужъ всякой понимаетъ!»

а) См. сказаніе о *Петрѣ* Великомъ Якова Штелина.

б) ТупаОраторія, косноязычна Поэзія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ Грамматики. — *Ломоносовъ.*

ЭЛЕГІЯ.

Восплачь Канцеляристъ, Повытчикъ, Секретарь,
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите:
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябѣдъ истребленьемъ.
Какъ древо сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы! насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ Бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный Дьякъ
И съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ,
Расправился, или переломился крюкъ.
О, солнце! не лишай ты филиновъ затмѣнья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ Дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда Коллежскому теперь Секретарю.
О, чинъ Ассессорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ—навсегда прости любезный чинъ.

Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка.
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщенія гласящій намъ Указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?

ЗВѢРИНЕЦЪ.

Ученый Усъуръумъ недавно отыскалъ
Предревній манускриптъ на языкѣ еврейскомъ,
И въ ономъ начиталъ,
Что при царѣ халдейскомъ,
Не знаетъ точно при какомъ,
Жилъ былъ Халдей Салваназарадомъ,—
Не столь в языкѣ французскомъ мы радѣемъ,
Какъ къ скотскому онъ прилежалъ
И такъ въ немъ успѣвалъ,
Что говорилъ съ Осломъ, какъ-будто бы съ Халдеемъ.
Кто гдѣ, а нашъ мудрецъ все со звѣрьми:
Съ скотами для него жить лучше, чѣмъ съ людьми.

Лишь только разсвѣтетъ, ужъ онъ спѣшитъ въ звѣринецъ
И звѣрю каждому несетъ съ собой гостинецъ:
Иному сѣна пукъ, другому мяса кусъ.
Встрѣчаютъ всѣ его; и Заяцъ тутъ не трусъ;
Къ Халдею Левъ, Тигръ даже льстится!
Одинъ Осёлъ косится:
Не хочетъ раздѣлиться
Съ Козломъ гостинцемъ пополамъ:
Меня равнять козламъ!
Нѣтъ, братъ, хоть я теперь жую траву съ скотами,
Но прежде съ господами
Я кушалъ за однимъ столомъ:
Былъ въ жизни человѣкъ, по смерти сталъ Осломъ!
Я шляхтичь Гурыгарндрасъ: не смѣй шутить со мною,
Иль формою суда развѣдаюсь съ тобою! —
Какъ жалко мнѣ, вскричалъ съ насмѣшкою Халдей,
Что прежде не имѣлъ ты длинныхъ сихъ ушей:
Для шляхтича они великая прикраса.
Знавалъ я Гурыгарндраса;
Всѣмъ такать, всѣхъ лизать,
Спину предъ всякимъ изгибать,
Его то было дѣло:
Кто подлъ, на счастье тотъ всегда надѣйся смѣло!
Халдеевъ сей отвѣтъ понравился Козлу,
Онъ, гордо подошедъ къ Ослу,
Такъ заблеялъ, тряся во гнѣвѣ бородою:

Мнѣ низко говорить со шляхтою такою:
Я прежде былъ паша, тотъ дивный Беккоккосъ,
Чей въ свѣтѣ славился огромностію носъ.
Въ сералѣ цѣлый вѣкъ, какъ въ маслѣ сыръ катался,
И съ Хрюхряхрюсомъ лишь въ богатствѣ не равнялся.
«Да, хрюкнулъ Боровъ вдругъ, имѣлъ я съ милліонъ!
—А пользы отъ того? спросилъ сердито Слонъ.
«Та польза, что всегда я былъ ужасно тученъ!
—Да сталъ ли чрезъ тебя другой благополученъ?
«Немного, Слонъ, теперь найдешь глупцовъ такихъ,
Чтобъ думали и о другихъ:
Свѣтъ нынѣшній наполненъ мудрецами....
—Которы, Слонъ взревѣлъ, затопавши ногами,
Достойны быть, какъ ты, свиньями! —
Да ты намъ не указъ! прикрикнула Лиса:
Въ наукѣ жить съ людьми не зналъ ты ни аза,
Хотя великимъ ты министромъ слылъ халдейскимъ; —
Вотъ я-то мудрецомъ могу почесться свѣтскимъ.
Ласкаючись ко всѣмъ съ умильнѣйшимъ лицомъ,
Казалась другомъ всѣмъ и всѣмъ была врагомъ,
Достоинства людей мѣшками измѣряла,
Для пользы и Ословъ хвалами осыпала,
И въ силѣ черезъ то у знатныхъ я была:
Съ тобою, грубый Слонъ, лишь сладить не могла!
Но вашей братіи немного вѣдь въ столицѣ,
Такъ нечего о васъ заботиться Лисицѣ. —

Халдей,
Мохнатыхъ слушая людей,
Дивился —
И порознь каждаго онъ распросить рѣшился,
Въ какомъ кто званіи при жизни состоялъ?
Я былъ Судья, Медвѣдь сказалъ,
И кожу не одну съ невинности содралъ!
Я назывался Ворворворомъ. —
И ты былъ не Судьей, а сущимъ живодёромъ!
Рычалъ великодушный Левъ,
Сверкая взорами, разинувъ страшный зѣвъ. —
—Я протестуюся! вскричала Россомаха:
Смотрите! судія смердитъ уже отъ страха;
Поступкомъ сицевымъ обижена и я,
Понеже въ должности была Секретаря;
Левъ будетъ подъ судомъ по моему прошенью,
И карачунъ дадимъ всему его имѣнью!
—А ты, Волкъ, чѣмъ служилъ?
Халдей у Бирюка спросилъ.
—Я то жъ, какъ и Медвѣдь, присяжный кожъ
сдиратель —
Въ Палатѣ Предсѣдатель.
А ты, Барсукъ?
—Я также былъ приказный крюкъ;
Но не лупилъ людей, какъ-будто бы скотину,
А скромно продавалъ законы по алтыну. —
Ну, ты, Олень, скажи, кто прежде былъ таковъ?
—Я былъ охотникъ люблюпсовъ:
Въ отъѣзжемъ полѣ мать когда звѣрей травила,
Верхомъ меня родила;
И мой отецъ охоту такъ любилъ,

Что въ псарнѣ съ гончими и спалъ, и ѣлъ, и
пилъ.
Я также, будучи ихъ одаренъ геройствомъ,
Не славѣ жертвовалъ, но дичинѣ спокойствомъ!
—А ваша честь, кто вы, Сурокъ?
—Разбойничекъ, то есть, картежный я игрокъ!
Тузомъ и двойкою я нажилъ капиталецъ!
—А ты, слѣпой красавецъ,
Кто ты, угрюмый Кротъ?
—Я все: законникъ, волхвъ, философъ, звѣздо-
чётъ,
И словомъ: въ формѣ я ученый первоклассный!
Всѣ мыши и кроты согласны,
Что я былъ чудо-человѣкъ:
Хоть здраво ни о чемъ не мыслилъ весь мой вѣкъ,
Но умеръ, погруженъ премудрости въ пучинѣ;
Въ навозѣ рылся я, въ навозѣ роюсь нынѣ! —
—А ты, почтенный господинъ,
Благочестивый Котъ, какой имѣлъ ты чинъ?
—Я человѣкъ не свѣтскій, но духовный,
По милости Творца, былъ жрецъ верховный;
Былъ образъ кротости, смиренія примѣръ,
Святъ духомъ, но притомъ халдейскій кавалеръ.
Духовную мою трапезу составляло:
Млеко, сыръ, масло, сало.
О стадѣ пекся я по долгу пастуховъ,
Но я терпѣть не могъ Мышей-еретиковъ!
—А ты что скажешь намъ, Баранъ?
—О! я, сударь, изъ столбовыхъ дворянъ.
На бранномъ поприщѣ искалъ мой предокъ славы,
А я мухъ колотилъ въ деревнѣ для забавы;

Мой предокъ для того безъ сна въ трудахъ потѣлъ,
Чтобъ послѣ правнучекъ попилъ, поспалъ, поѣлъ.
—Ты выслушай меня, вскричала Обезьяна:
Вотъ я-то тварь была преславна
И много обществу я пользы принесла:
Изрядно кушала, изрядно и пила,
Отмѣнно прыгала, кривлялась безподобно,
Играла дамами, какъ шашками, свободно;
Щелкала по носу и знатныхъ я господъ,
Хоть я была ничто, какъ гаеръ иль уродъ,
Достойный забавлять на ярмаркахъ народъ.
Пристойность, правда, стыдъ всегда мнѣ были чужды,
Въ религіи совсѣмъ я не имѣла нужды,
И будучи во всемъ глупѣе Лошака,
Я принимала видъ большого знатока;
Въ искусствѣ льстить слыла великой мастерицей,
Въ обманахъ, въ хитростяхъ поспорила бъ съ Лисицей;
На счетъ другихъ жила пріятно, безъ заботъ,
И словомъ: я была скотина à la mode. —
—Ну, ты, Хомякъ, скажи, ты что̀ былъ за дѣтина?
—Ахъ! государь, я былъ торговый мужичина.
Товаромъ мелочнымъ сперва я началъ торгъ.
Стыдъ, правда, совѣсть, Богъ —
На чисты денежки все это продавалось:
Иной день разъ пятьсотъ божиться мнѣ случалось.
Когда же нажилъ я изрядный капиталъ,

То такъ богобоязливъ сталъ,
Что лишь по старой я привычкѣ плутовалъ:
За доброе, подъ часъ, я продавалъ гнилое,
И бралъ не болѣе какъ впятеро иль втрое.
Аршинъ и ножницы, вѣсы, рука и взоръ,
Зубъ каждый у купца и даже лавка — воръ!
Не долженъ покупщикъ отнюдь оберткѣ вѣрить:
Готова и она обвѣсить и обмѣрить. —
Молчи, подлецъ, вскричалъ Салваназарадомъ,
Ты счастливъ, сдѣлавшись по смерти Хомякомъ!
Услышь меня, услышь всезиждущая сила!
«О, если бъ ты законъ такой постановила,
«Чтобъ всякой человѣкъ: судья, или купецъ,
«Попъ, воинъ, дворянинъ, ученый и кузнецъ,
«Забывшій совѣсть, стыдъ, законъ, монарха, Бога,
«Передъ зерцаломъ ли, средь царскаго ль чертога,
«Иль въ домѣ собственномъ пируя за столомъ,
«Ко удивленью всѣхъ, сталъ волкомъ иль осломъ,
«Примѣры бъ таковы безумцевъ устрашили,
«И смертные себя и Бога бъ больше чтили. —

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУРСОНІАДЫ.

Изъ первой пѣсни.

1.

Помилуй ты меня, о, Фебъ, парнасскій богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ! сжалься надо мной чувствительная Муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго Француза,

Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ:
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ
харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
Гдѣ часто странствовалъ для чорстваго куска,
Гдѣ блѣдная его, голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла,
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала!
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ заклейменъ и сосланъ на галеру,
Но земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
И ссылочный Французъ какъ солнце возблисталъ.

2.

. . . .
. . . .

Возсталъ Французъ, но ахъ! отъ слабости шатался;
Вотще онъ воздухомъ, какъ манною питался:
Лишь первый шагъ ногой дрожащею ступилъ,
Зефиръ съ насмѣшкою Француза повалилъ;

. . . .
. . . .

Внезапно выглянулъ изъ ада Велзевулъ,
Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
И къ Гладу такъ вѣщалъ: «о, подлый забіяка!
Вотъ до чего довелъ ты славна Пурсоньяка!

Познай, что сей Французъ мой искреннѣйшій
другъ;
Ступай къ нему, ступай скорѣе для услугъ!»
Уродливый скелетъ вооружась клюкою,
Пустился въ дальній путь съ походною сумою;
По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
Гремитъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
И челюсть искрививъ, гигантъ стучитъ зубами;
Траву и дерево и корни и цвѣты
Теребитъ, гложетъ, жретъ, глотаетъ все въ пути.
«Возможно ль! онъ кричитъ: я долженъ быть
слугою,
«Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!
«Нѣтъ, Велзевулъ! хотя ты знатный господинъ,
«Но Голодъ въ пеклѣ тожъ имѣетъ знатный
чинъ,
«И родъ мой твоему ни чѣмъ не уступаетъ:
«Почтенна Смерть меня отмѣнно уважаетъ;
«Война сестра моя, а Нищета кума,
«Родная тетка мнѣ сіятельна Чума,
«Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю,
«И часто чудеса творить ей помогаю.
«О, сколь поругана высока честь моя:
«Холопомъ буду нынь у Санкюлота я!
«Хоть долженъ выполнить бѣсовско повелѣнье,
«Но Стиксомъ я клянусь питать къ Французамъ
мщенье.
«И въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь,
Войну,
«Обрушу гибель всю на горду ихъ главу! —

3.

Безумные враги отечественныхъ щей!
Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богатырей:
Насилу движутся полмертвы ваши трупы!
Оставьте наконецъ вы соусы и супы;
Не Галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

Изъ второй пѣсни.

1.

На деньги ужасть какъ нечисты духи падки;
Извѣстно, что они всегда любили взятки;
Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ.
Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,
Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости Повытчикъ,
Облизывается въ восторгѣ Секретарь
И нюхаетъ табакъ приказна мелка тварь.
Проситель корчится; подьячіе гордятся:
Змѣею долженъ онъ предъ гадомъ увиваться,
Просить и кланяться, давать и обѣщать,
Въ трактирахъ подчивать и дома угощать.
Случилось такъ и мнѣ межъ адскими крюками.
Чего не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ:
Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
Но недовольны тѣмъ кургузы оплеталы,
Зачѣмъ, кричатъ, зачѣмъ твои карманы малы?

Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
Отверзлися врата геенскаго дворца:
Въ огнѣ и въ пламени монархъ инѣ адскій зрится,
Престолъ его въ дыму, какъ ветчина, коптится;
Покрыты сажею порфира и вѣнецъ;
Величество его такъ чорно, какъ кузнецъ.
Отъ роду я не зрѣлъ толь пакостныя рожи!
Прекрасны всѣ его министры и вельможи,
Нарядна гвардія, хорошъ придворный штатъ:
Съ рогами всякой здѣсь, ...

2.

Простерла Мода перстъ—и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы стали всѣ съ предлинными хвостами;
Рекла — и волосы нависли на глаза;
Велитъ — и лысина, гдѣ были волоса;
Восхощетъ — и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ—и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И вмѣсто чепчиковъ носить начнутъ горшки;
Мигнетъ — и тѣ, что нынь лепечутъ по-фран-
цузски,
Заквакаютъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

3.

Вдругъ жрица земляка преславна обняла,
И къ русскимъ модникамъ и модницамъ рекла:
«Месьё! кто радости изъ васъ не ощущаетъ?
«Еще кладъ мудрости вамъ Небо посылаетъ!
«Въ Французѣ дивномъ семъ приходитъ къ вамъ
Сократъ;

«Какое счастіе для васъ и вашихъ чадъ!
«Къ тому же и его несчастно положенье
«Возбудитъ въ васъ къ нему сердечно сожалѣнье.
«Французамъ помогать обязанъ Русскій всякъ:
«Кто мыслитъ иначе, тотъ варваръ и дуракъ.
«Толико нищіе французскіе почтенны,
«Колико бѣдняки россійскіе презрѣнны.
«Невѣждамъ пособлять вамъ Мода не велитъ;
«Хоть Русскій ранами въ сраженіяхъ покрытъ,
«И славно прослужа отечеству полвѣка,
«Въ награду нищій сталъ и жалостный калѣка;
«Хоть жизнь боярскую, имѣнье защитилъ:
«Но если бъ у бояръ онъ хлѣба попросилъ;
«Бояре! вамъ велитъ французско воспитанье
«Плевать на русское израненно созданье!
«Похвальнѣе для васъ Французовъ богатить,
«Чѣмъ грошемъ Русскаго калѣку одолжить.
«Явите щедрость нынь преславну Пурсоньяку!»—
— Ужасну межъ собой людъ модный сдѣлалъ
драку:
Всякъ хочетъ щедростью другого превзойти,
Француза хочетъ всякъ къ себѣ въ домъ отвезти.
Тотъ говоритъ: жалѣть не буду милліона,
Такого чтобъ достать себѣ компаніона!
Иной кричитъ: дѣтей моихъ наставникъ будь!
Въ годъ тысяча рублей и хлѣба триста пудъ.
А третій такъ брюжжитъ: онъ будетъ править
мною
И всѣмъ распоряжать, и домомъ и женою.
Не зналъ, что отвѣчать въ восторгѣ Пурсоньякъ.
Доселѣ мнилъ Французъ, что первый онъ дуракъ;

Но нынѣ, окруженъ такими чудаками,
Узрѣлъ, что рангомъ онъ не первый межъ глупцами,
И наконецъ сказалъ, что, мудрость полюбя,
Намѣренъ посвятить въ учители себя! —
Простившись съ дьяволомъ, далъ руку Верхолету
И въ грязномъ рубищѣ сѣлъ съ гордостью въ карету.
Благодаря Гибу, почтенную мадамъ,
Въ пути готовился къ учительскимъ трудамъ
И мыслилъ такъ въ душѣ, отъ смѣха помирая:
Россія, подлинно, земля предорогая;
Я чувствую, что здѣсь озолотятъ меня:
Въ Россіи полубогъ — парижская свинья!

РѢДКОСТИ, КОТОРЫЯ УДАЛОСЬ МНѢ ВИДѢТЬ.

—

Я видѣлъ, какъ скупецъ, мѣшокъ схвативши злата,
На помощь къ ближнему несчастному спѣшилъ,
Съ чувствительной душой обнялъ его, какъ брата,
И слезы горести въ минуту осушилъ.

—

Я видѣлъ дервиша (турецкой то монахъ),
Который одержалъ побѣду надъ страстями:
Сталъ кротокъ, совѣстенъ, смиренъ, воздерженъ, благъ,
И грѣшный міръ презрѣлъ не словомъ, но дѣлами.

—

Я видѣлъ мудреца, кой истину любилъ:
Она ему всего была дороже въ свѣтѣ,
Въ бесѣдѣ и дѣлахъ ее имѣлъ въ предметѣ:
Онъ жилъ такъ, какъ писалъ, и такъ писалъ,
как жилъ.

—

Я видѣлъ счастія достойнаго любимца —
Прекрасенъ, молодъ онъ, богатъ и знатенъ былъ;
Но въ добродѣтели всю роскошь находилъ:
Забава для него — утѣшить несчастливца.

. . . .

. . . .

—

Я видѣлъ, какъ одинъ почтенный секретарь
Оправилъ праваго не взявши ни алтына:
Такъ долгъ велитъ, онъ мнилъ; мнѣ платитъ со-
вѣсть, царь,
И вотъ награда мнѣ безцѣнна и едина.

—

Я видѣлъ модника, который для покроя
Терялъ имѣніе и не имѣлъ покоя;
Но вдругъ позналъ, что умъ дороже, чѣмъ каф-
танъ,
И выключилъ себя изъ списка обезьянъ.

—

Я видѣлъ женщину во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,
Которой ветхій мужъ прелестенъ — сѣдинами;
Но на челѣ его еще рогъ не растетъ:
Она вѣрна ему — о, чудо межъ женами!

—

Я видѣлъ, какъ одинъ заѣзжій къ намъ мясникъ
Остался мясникомъ, хотя могъ быть учитель:

Родясь во Франціи, парижскій бывши житель,
Конечно, площадной—французскій зналъ языкъ.

—

Я видѣлъ, какъ лжецы неправдой возгнушались,
Завистники чужимъ блаженствомъ восхищались,
Придворный предъ царемъ душею не кривилъ,
И сильный слабаго не грабилъ, не душилъ.

—

Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ:
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все. . . . во снѣ!—

ЗАБАВНАЯ БЕСѢДА.

—

«Внемлите горы и лѣса:
«Стремлюсь повѣдать вамъ предивны чудеса. . . .
—Чтобъ ты пропалъ, Риѳмачъ, съ твоими чуде-
сами!
Вскричала Фиркина: ты мучишь всѣхъ стихами.
Прямой парнасскій ты уродъ!
Насильно риѳмами зажать мнѣ хочешь ротъ. . . .
О чемъ бишь, господа, я разсказать хотѣла?
Да! да—вотъ десять дней, какъ я ужъ овдовѣла!
Ну! какъ вамъ нравится печальный мой нарядъ?

Такую вдовушку нельзя не обожать;
Вчера Вертушкину я голову вскружила. . . .
—Убей тебя драгунска сила,
Рубакинъ вдругъ какъ конь заржалъ:
Вралиху глупую сквозь строй бы я прогналъ!
Болтаетъ о себѣ, да о своихъ нарядахъ,
Ни слова вымолвить не дастъ о вахт-парадахъ.
Какъ выступимъ въ разводъ: ну! посмотрѣли бъ вы,
Вдругъ станемъ мы во фрунтъ, стоимъ всѣ какъ столбы.
— — Ей-ей! я знаю все о сицевомъ парадѣ:
Курьёзнѣе у насъ дѣла текутъ въ Палатѣ,
Гортанью хриплою приказный возразилъ:
— Tacendum! грозно мужъ ученый возгласилъ:
Начнемъ бесѣдовать о важныхъ мы предметахъ
О манускриптахъ и кометахъ. . . .
— Мнѣ вашихъ никогда не переслушать вракъ,
Примолвилъ весельчакъ:
Когда не глупы вы, то всѣ вы очень странны,
И для меня тѣмъ болѣе забавны,
Что всѣ вы любите вранье —
Лишь не чужое, а свое.

ПОЭТЪ И МАТЕМАТИКЪ.

—

ПОЭТЪ.

Не къ Стикса ль мрачнымъ берегамъ
Фантазія меня примчала?
Тѣнь блѣдна, жалкая предстала
Испуганнымъ моимъ очамъ!
Хламидой сильной покровенный,
На стулѣ призракъ сей торчитъ,
И долу черепъ уклоненный
Прозрачнымъ колпакомъ покрытъ.
Огромныхъ книгъ предъ нимъ громада,
Въ пыли повержена, лежитъ;
Онъ съ грифеля не сводитъ взгляда
И онымъ на доскѣ чертитъ;
Чертитъ — и рожу искривляетъ
Въ досадѣ будто сей скелетъ,
Колпакъ нерѣдко поправляетъ,
Браня притомъ какой-то *зетъ*. —
Конечно, терпитъ онъ отъ *зета*,
И *зетъ* сей, вѣрно, адскій духъ;
Отъ *зета* блѣденъ онъ и сухъ.
Спрошу о *зетѣ* у скелета.
Кто ты — прежалка тѣнь — вѣщай,
Кѣмъ ты на муку осужденна,
Здѣсь къ стулу кѣмъ ты пригвожденна;
Не се ли мрачный ада край? —
Иль здѣсь волшебникъ обитаетъ,

Тебя, обворoживъ, терзаетъ?
Иль Фуріи въ тебѣ живутъ,
Которыхъ *зетами* зовутъ?
Ручьями изъ ноздрей текущій
Табакъ ты прежде оботри,
Потомъ мой духъ, въ сомнѣньи сущій,
Отвѣтомъ удовлетвори! —

МАТЕМАТИКЪ.

Проклятая ты *биномія* —
Ты злобы адской *экспонентъ*,
О, *нуль*, исполненъ ядомъ змія!
Какъ смѣлъ ты поносить мой *зетъ?* —
Всемощный съ *иксомъ зетъ* вѣщаетъ,
Задачъ непостижимыхъ тму,
Природы тайну открываетъ,
И все покорствуетъ ему.
Подобно грозному Титану,
Зетъ небо приступомъ беретъ,
И *зету*, лаврами вѣнчанну,
Хвалу вселенна воздаетъ.
Знай, въ вѣчность я на *зетѣ* ѣду —
Я званъ Безсмертіемъ къ обѣду;
Чрезъ *иксъ*, чрезъ *игрекъ* и чрезъ *зетъ*
Я протопталъ къ Олимпу слѣдъ.

ПОЭТЪ.

Хулу скелетъ сей изрыгаетъ!
Въ умѣ помѣшанъ, видно, онъ—
Досадно мнѣ; но пусть болтаетъ:
Не писанъ дуракамъ законъ.

МАТЕМАТИКЪ.

Ты говоришь о мнѣ съ презрѣньемъ;
Клянусь *квадратнымъ уравненьемъ*,
Клянусь, что я тебѣ отмщу:
Я тучу *игрековъ* пущу,
Да поразитъ тя пуще грома —
Ужасна, сильна *аксіома!*
Откуда, дерзкій, ты пришелъ?
Меня въ отчаянье привелъ;
Ты помѣшалъ рѣшить задачу;
Съ досады и со злости плачу!

ПОЭТЪ.

Пожалуй плачь! а я смѣюсь,
Угрозъ ни мало не страшусь.
За *зета* грудью ты вступился,
Чего ты на меня озлился?
Скажи, открой мнѣ наконецъ,
Живой ли ты, или мертвецъ,
Во снѣ ли бредишь, какъ лунатикъ?

МАТЕМАТИКЪ.

Дрожи, о дерзновенна тварь!
И знай, что азъ есмь *чиселъ* царь,
Искусный, славный Математикъ.
На *иксахъ* мой воздвигнутъ тронъ;
Его съ почтеньемъ окружаетъ
Нулей отборныхъ легіонъ.
Количество меня вѣнчаетъ;
Съ *масштабомъ циркуль* — скипетръ мой!

Ищу я круга квадратуру;
Послушай, не шути со мной.

ПОЭТЪ.

Набрелъ я на каррикатуру!
Забавный для стиховъ предметъ!

МАТЕМАТИКЪ.

Что слышу! — Небо! онъ Поэтъ!
Въ немъ вижу злого супостата,
Отъ коего свирѣпыхъ риѳмъ
Трепещетъ робкій *логариѳмъ;*
Онъ бичъ и *куба* и *квадрата!*
Я понимаю всё теперь:
Парнасскій этотъ хищный звѣрь
Сатиру хочетъ приготовить;
Онъ будетъ въ ней меня злословить.
Злодѣй! оставь ты мой чердакъ;
Я *иксомъ* заряжу колпакъ
И выстрѣлю какъ изъ мортиры;
Иль *грифель* сей тебя пронзитъ,
Съ тобою вмѣстѣ истребитъ
Презлобный планъ твоей сатиры!

ПОЭТЪ.

Не въ силахъ я владѣть собой!
Постой, о чучело! постой,
Ступай съ своими ты *нулями*.
Бери съ собою *зетъ* и *иксъ*,
Гдѣ протекаетъ мутный Стиксъ,
Ступай туда — живи съ чертями.

Схватилъ сынъ Феба за пучокъ
Царя, количествомъ вѣнчанна,
И, давъ ему одинъ толчокъ,
Повергъ на землю бездыханна!

МЕРЗИЛКИНЪ,

или

Русскій выродокъ, превратившійся въ офранцуженную гадину.

Правдининъ! хочешь ты, чтобъ красками живыми
Я смѣлой кистію тотъ гадъ изобразилъ,
Который красотой и прелестьми своими
И жабъ, и черепахъ, и крысъ всѣхъ помрачилъ.
Въ болотѣ ни въ одномъ, ни въ лужахъ, безъ сомнѣнья,
Нѣтъ твари столько же достойныя презрѣнья,
И въ адѣ молодца такого поискать,
Кто бъ гнусностью его могъ перещеголять.
Преславна издревле была всегда Россія;
Но какъ же развелись въ ней гадины такія?
Великой матерью могли ль быть рождены
Толь безобразные, уродливы сыны?
Не русская душа, не храбрость въ нихъ геройска,
Душишка мелкая и подлость въ нихъ заморска;
Французчина, какъ моль, поѣла весь ихъ мозгъ,

Забытъ къ отечеству привязанности долгъ!
Не честь ихъ движетъ, нѣтъ! ихъ мучитъ то сердчишки,
Чтобъ свѣтъ зналъ, что они французскія мартышки,
На что имъ съ предковъ брать похвальнѣйшій примѣръ?
Французовъ мало ли сорвавшихся съ галеръ?
А какъ прибѣгнуть то жъ къ французскимъ и мамзелямъ,
Которы свѣтъ прошли таскаясь по . . . лямъ
И всяку всячину видали надъ собой:
То нужно ли искать науки ужъ другой?
Тогда жеманься, ври, повѣсничай, кривляйся
И надъ невѣжествомъ Россіянъ насмѣхайся,
Которы добрый нравъ и здравый смыслъ хранятъ,
И, что всего глупѣй, по-русски говорятъ!
— Fi donc! какъ варварскій языкъ сей грубъ, нескладенъ,
Французскій, au contraire, божественъ, деликатенъ.
Когда бы намъ монархъ издалъ такой законъ,
Чтобъ по-французски вралъ всякъ русской du bon ton;
Чтобъ иначе болтать не смѣли бы дворяне!
А еслибъ свой языкъ забыли и мѣщане,
И самый наконецъ преподлый нашъ мужикъ
Французскій полюбилъ пренѣжный тотъ языкъ:
Какія бъ времена блаженныя настали!
Мы, офранцузившись, гугнявить всѣ бы стали,
И въ просвѣщеніи явили бъ тѣмъ успѣхъ,

Что въ высшей степени была бъ у насъ у всѣхъ
Французская и жизнь, и нравы, и химеры,
То есть, ни вѣрности къ царямъ, ни къ Богу
вѣры,
Ни глупой совѣсти, ни робкаго стыда
У новыхъ Россіянъ не стало бы тогда!
Не то ли самое, жеманясь по-французски,
Насвистываешь ты, *Мерзилкинъ!* про себя?
Не часто ль ропщешь ты, что твой отецъ былъ
Русскій,
И что не *санкюлотъ* пустилъ на свѣтъ тебя?
Послушай-ка, мусье, не господинъ, Мерзилка,
Не лай на Русскихъ ты, французить позабудь;
Ты воспомни наконецъ, что есть въ Россіи
кнутъ;
Что не минетъ тебя въ Парижъ Камчатской
ссылка.
На лыжахъ щеголять какъ станешь по снѣгу,
Скажи тогда себѣ: *коман-ву-порте-ву?* —

ОПИСАНІЕ СЛАВНАГО ПАРИКА. . . .

—

Парикъ сей рѣдкой, дорогой,
Имѣетъ вѣсу четверть пуда;
Онъ сдѣланъ хитрою рукой
Изъ нѣжныхъ волосковъ верблюда;

Затылокъ, брови и виски
Большой парикъ сей покрываетъ,
Какъ печь, плѣшь въ стужу нагрѣваетъ
И жметъ ее такъ, какъ тиски.
Придѣланъ къ парику широкій
Французскій назади пучокъ,
А на срединѣ превысокій
И пышный вьется *à la coq*.
Но что еще милѣй и краше
Всего, о немъ что молвилъ вамъ:
Огромны пукли въ три этажа
Нависнули по сторонамъ!
Къ тому жъ, напереди устроенъ
Послѣдней моды лаверджетъ!
Онъ удивленія достоинъ!
Симъ кончу парика портретъ.

ПѢСНЬ ЛУЖѢ.

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ и морямъ:
Не море, Лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ Лужа ты, въ несчастной долѣ,
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями,
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А Лужей брезгуетъ народъ.

Но насѣкомы неисчетны,
Для гордыхъ взоровъ непримѣтны,
Зрятъ въ Лужѣ дивный океанъ,
И въ подлыхъ жабахъ — страшныхъ китовъ!
Четвероногихъ сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ.

Паши, украшенны щетиной,
Презрѣнною твоею тиной
Не промѣняются на пухъ;
За бархатъ грязь они считаютъ
И въ роскоши такой не чаютъ,
Что ихъ готовятъ подъ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику въ несносный жаръ
Вода твоя въ степи Ливiйской,
Или въ пустынѣ Аравiйской —
Небесный кажется нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и стремится

Достигнуть грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой
Однимъ Всесильнымъ обозримой
И море лужа, какъ и ты.

Хотя бъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы,
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но что жъ: предъ мудрыми очами,
Столь почитаемые нами,
Кораллъ и бисеръ — та же грязь.

Нѣтъ! Лужи я не презираю;
Я въ Лужѣ пользу обрѣтаю:
Наставникъ Лужа для меня,
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны
Сію намъ истину глася:

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду
Плодятся — множатся всегда!

САРАНЧА.

Народы храбры Африкански,
У насъ зовомы саранчой,
Какъ орды прежнія татарски
Страшатъ Украину собой.
Повсюду грабятъ, разоряютъ:
Въ ожесточеніи такомъ
Поля въ минуту поглощаютъ
Съ пшеницей, рожью и овсомъ. —
И Россъ, царствъ многихъ покоритель,
Гордыни буйной укротитель,
Россъ мужество вездѣ явилъ,
Но саранчи не побѣдилъ!
Вотще желаютъ умудриться,
Надъ ней побѣдой похвалиться,
Чтобъ сгинулъ жадный сей злодѣй.
О, сколько вымысловъ, затѣй!
Тамъ въ косы звучно ударяютъ,
Отвсюду пламенемъ грозятъ,
Тамъ рвы глубокіе копаютъ,
И въ нихъ врага зарыть хотятъ;
А тамъ, тамъ ловятъ неводами,
Среди пространныхъ нивъ, полей
Сидящу саранчу стадами,
Какъ-будто въ Волгѣ стерлядей. —
Все тщетно! — врагъ все презираетъ.
Кому жъ судьба предоставляетъ
Воздать врагу достойну месть

За оскорбленну Россовъ честь? —
Какіе храбрые кащеи
Толикій подвигъ совершатъ?
Никто, какъ Х. . . . . . Орфеи. —
Они безъ копьевъ и безъ латъ,
Вооружены лишь смычками,
Кларнетомъ, скрипками, басами;
Въ кафтанѣ или въ епанчѣ,
Подступятъ храбро къ саранчѣ,
И въ мигъ разставивши пульпеты,
Оркестромъ полнымъ проскрипятъ —
И паки, паки повторятъ
Симфонію, потомъ концерты:
Исчезнетъ саранчи упорство,
Накажется ея презорство;
Къ спасенью ей лишь два пути:
Оглохнуть должно, иль уйти!

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЬМА ПРІЯТЕЛЯ МОЕГО,

СТРАНСТВУЮЩАГО ВЪ ЧУДЕСНОМЪ ПТИЧЬЕМЪ МІРѢ.

—

. . . .
Не знаю почему здѣсь вздумалось Природѣ
Разумны существа по-птичьему одѣть:
Прилично ли уму подъ перьями потѣть?
Сей гордый господинъ, любимый небесами,
Покоиться привыкъ у насъ подъ колпаками!
Не долженъ ли, скажи, краснѣть безсмертный
духъ,
Когда по плоти онъ Сычъ, Филинъ, иль Пѣ-
тухъ? —
Но что! . . . не будемъ мы указывать натурѣ,
И объ умахъ судить не станемъ по фигурѣ:
Разумнѣй, подлинно, иная здѣсь Сова,
Чѣмъ съ носомъ греческимъ французска голова!
Великіе умы летаютъ здѣсь стадами,
И славны мирными и бранными дѣлами.
Тамъ храбры Коршуны воздвигли птичій Римъ,
Когтисты Римляне гроза врагамъ своимъ;
Здѣсь хищны замыслы проникнувъ Ястребины,
Витійствуютъ Скворцы за вольность и Аѳины;
Съ покляпымъ носомъ тамъ наёжился Невтонъ,
И, мудростью гордясь, топыритъ крылья онъ;
Здѣсь Филинъ — Ришельё, иль Питтъ глазища
жмуритъ,
И ставя сѣть царямъ, коварну рожу хмуритъ.

Толики здѣсь умы и доблести цвѣтутъ,
Однако въ мірѣ семъ не ангелы живутъ.
Пройдемъ мы всѣ міры, разсмотримъ всѣ народы,
Увидимъ, что вездѣ есть жалкіе уроды!
Вотъ напримѣръ идётъ, надувшися Павлинъ:
При здѣшнемъ онъ дворѣ имѣетъ знатный чинъ;
Такую заслужа высоку царску милость,
Чрезъ толь обманчиву наружности красивость
Гордиться могъ бы онъ сіятельнымъ хвостомъ,
Но нѣтъ! онъ хвастаетъ прескареднымъ умомъ.
А вотъ шестеркою промчалася Ворона,
Имѣя гордый видъ нѣмецкаго барона,
И подлинно, её знатнѣе въ мірѣ нѣтъ:
Придворнымъ конюхомъ ея былъ славный дѣдъ!—
Ба! вотъ еще Сова нарядная тащится:
Возможно ль Филину богиней не прельститься!
Какая выступка! какой на ней уборъ!
На всѣхъ пылающій она бросаетъ взоръ;
Такія красоты въ Москвѣ, въ Парижѣ рѣдки,
И предъ Совой должны смириться всѣ кокетки.
Вотъ кстати и Журавль за модницею въ слѣдъ
На длинныхъ толь ногахъ въ большой пустился
свѣтъ:
Онъ легче воздуха, непостояннѣй вѣтра,
И ролю важную играетъ петиметра.
Влюбляться—долгъ его; повѣсой быть – законъ;
Занятіе — игра, похожа на бостонъ.
Но вотъ падучею страдаетъ жалкій Кобчикъ.
Ахъ! какъ кобенится сей бѣдненькой господ-
чикъ;
Не Карачунъ ли то съ ланцетами стоитъ?

Нѣтъ! Тетеревъ глухой предъ Кобчикомъ пыхтитъ;
И Кобчикъ корчится предъ знатностью глухою,
Въ надеждѣ, можетъ быть, учтивостью такою
Защиту, иль чинокъ, иль мѣсто получить,
Чтобъ послѣ Снигирей и Воробьевъ душить,
Сдирать безъ жалости съ безсильныхъ птичекъ кожу,
И наконецъ себя преобразить въ вельможу!—
Ну! вотъ еще уродъ: — ощипанный Пѣтухъ!
Повѣса промоталъ и перье всё и пухъ;
Обрили Пѣтуха пиры, игра и мода,
И сталъ безхвостый мотъ посмѣхомъ для народа.
Тьфу пропасть! и еще двухъ вижу чудаковъ:
Одинъ задумчивъ, гордъ, и важенъ и суровъ;
Другой ужасную имѣетъ образину.
О, Муза! помоги списать сію картину;
Стань грозно со щитомъ ты нынѣ предо-мной,
Чтобъ глупость мстительна не ранила стрѣлой.
Представь себѣ, мой другъ, безъ лести и отважно
Сіе позорище толь дивно и толь страшно,
Когда латинію напыщенный педантъ,
Превыше облака свой вознеся талантъ,
Встрѣчается съ другимъ ему противной секты;
Съ обѣихъ вдругъ сторонъ стремятся аргументы:
Тотъ Аристотелемъ сопернику грозитъ,
Схвативши Канта сей, противника разитъ;
Трещатъ софизмами начиненны дилеммы,
Ревутъ по воздуху огромныя системы,

Удару слѣдуетъ ужаснѣйшій ударъ,
Въ герояхъ множится свирѣпый, бранный жаръ;
Но оба вдругъ снарядъ логическій теряютъ
И кулаками бой за истину рѣшаютъ;
Лежатъ растерзанны на части парики
И носятся власовъ напудренныхъ клоки.
Но въ птичьемъ мірѣ нынь лютѣйша битва зрится:
Педанты диспутамъ должны здѣсь поучиться.
Одинъ боецъ — краса индійскихъ пѣтуховъ;
Другой—честь филиновъ и цвѣтъ всѣхъ мудре-
цовъ.
Какъ предъ Троиломъ взглядъ сверкалъ Ахил-
ловъ звѣрскій,
Такъ взоромъ Филину грозитъ Пѣтухъ индійскій;
Онъ, растопырившись, прегордо хвостъ несетъ,
Вращаясь, крылѣями описываетъ свѣтъ;
Синѣетъ рожа вся, трясется носъ мясистый,
Кричитъ на Филина: вы всѣ, всѣ атеисты! —
Неистово взглянулъ тутъ Филинъ на него:
О, харя синяя! и ты бранишь того,
Кому въ подсолнечной ученостью нѣтъ равныхъ!
Уже ль ты не читалъ трудовъ моихъ преслав-
ныхъ?
Пѣтухъ такъ Филину изволитъ отвѣчать:
Какъ смѣешь, рыжій враль, столь гордо помы-
шлять,
Чтобъ для твоихъ трудовъ хотѣлъ я тратить
время:
Что можетъ сочинить совино глупо племя!
Я въ диссертаціяхъ то ясно доказалъ,
И въ комментаріяхъ о томъ же толковалъ,

Что Филины, Сычи и всѣ прегнусны Совы
Не могутъ никогда быть славны богословы. —
Подпрыгнулъ Филинъ вдругъ: рогатый философъ
Съ надутымъ мудрецомъ терять не хочетъ словъ,
И съ шумомъ началась межъ птицъ ученыхъ
драка,
И Филинъ и Пѣтухъ задорнѣйшій клевака,
Съ размаху налетѣвъ, крыломъ другъ друга
бьютъ,
И безъ пощады въ зобъ и въ голову клюютъ;
Съ нихъ перья падаютъ и кровь течетъ ручьями;
Но Филинъ, пользуясь преострыми кохтями,
Кичливаго врага сломилъ, сразилъ, попралъ,
И ставши на него, побѣду прокричалъ! —

БАСНИ.

ЖИВОПИСЕЦЪ.

Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ:
Ужъ до того онъ совѣсти держался,
Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ. —
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить,
И чѣмъ же? вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй.
Нельстива кисть его что̀ ни изобразила,
Одушевила.
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ её народу на-показъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли,
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,
Кобенился предъ живописцомъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ.

Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
«Ты пасквиль написалъ,
«Честь нашу обругалъ;
«Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами.»
— Богъ съ вами!
Художникъ отвѣчалъ:
А глупость и порокъ изобразить желалъ,
Я васъ не трогалъ я, да я васъ и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою? —
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать;
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило. —
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ.

ОРЕЛЪ И СТРѢЛОКЪ.

«Не тронь меня! Орелъ вдругъ крикнулъ на стрѣлка:
Дерзнетъ ли выстрѣлить по мнѣ твоя рука?
Орловъ и Римляне и Греки уважали,
Священными они насъ признавали!»

— То были Римляне! стрѣлокъ Орлу сказалъ,
А нынѣ людъ умнѣе сталъ;
Не очень о твоей заботится породѣ:
Теперь ужъ не Орлы, а Попугаи въ модѣ. —

ЛАСТОЧКА И КОЛОКОЛЪ.

На башнѣ Колоколъ висѣлъ,
И тамъ же Ласточка гнѣздилась.
На Колоколъ вдругъ птичка разсердилась:
«Ужъ ты мнѣ уши прозвенѣлъ;
Въ сосѣдствѣ жить съ тобой моихъ силъ не достанетъ.»
—Молчалъ бы, Ласточка, охотно для тебя,
Но что жъ, звонарь меня
За длинный мой языкъ всегда насильно тянетъ.—
А ты. Глупонъ, зачѣмъ ты подымаешь крикъ;
Уже ли и тебя кто тянетъ за языкъ?

ОТКУПЩИКЪ И ХАРОНЪ.

Узрѣвши тѣнь съ огромнымъ пузомъ,
Харонъ вдругъ ахнулъ и вскричалъ:
«Боюсь, чтобъ съ симъ тяжелымъ грузомъ
И самъ я въ Стиксѣ не пропалъ.

Откуда ты и что такое?
Скажи дебелая душа;
Ты, видно, что-то не простое,
Ты кардиналъ или паша?»
— Кто бъ ни былъ я, но вы не стойте,
Объ этомъ смѣю васъ просить,
Ввалиться въ лодку мнѣ позвольте,
Я долженъ въ тартаръ поспѣшить;
Скажу, старикъ, вамъ откровенно:
Хочу прожектъ Плутону дать,
И я надѣюсь несомнѣнно
Вашъ перевозъ на откупъ взять.
Всегда симъ планомъ занимаясь,
Я въ мірѣ толстъ, покоенъ былъ;
Богатства многаго лишаясь,
О томъ при смерти не тужилъ.
Какіе знатные доходы
Легко здѣсь можно получать:
Сюда толпятся всѣ народы
И такъ со всѣхъ мы можемъ драть!
Британцу скажемъ мы и Галлу:
Намъ чисты деньги отсчти;
А господину Камчадалу:
Ясакъ мѣхами заплати.
Теперь вы служите безъ платы,
Не правда ли? но у меня
Вы скоро будете богаты
И столько же почти какъ я;
Не рубище на васъ дурное,
Не сей засаленный колпакъ,
Нѣтъ, будетъ платье дорогое

И пить вы станете аракъ. —
«Харонъ угрюмый, дикій, строгій,
Смѣкнулъ и въ первый разъ запѣлъ;
Не мудрено, мужикъ убогій
Надежду къ счастью возъимѣлъ.»
Онъ жирной тѣни поклонился
И съ ней какъ можно скоро плылъ;
Плывя, Юпитеру молился,
Чтобъ грузъ его онъ сохранилъ.

МОРЕ И РѢКА.

Надулось Море предъ Рѣкою,
Реветъ: «Что значите вы, Рѣки, предо мною?
Я съ важностью теку по безднамъ, по скаламъ
И съ шумомъ въ ярости стремлюся въ облакамъ. . .»
— А мы, Рѣка въ отвѣтъ: не столь шумимъ волнами,
Но нашими водами
Питается земля,
Тучнѣютъ гордыя моря! —

ЮПИТЕРЪ И НЕТОПЫРИ.

О просвѣщеніи Юпитера просили
Нетопыри, хотя во тмѣ счастливо жили.
Смѣясь Юпитеръ тварямъ симъ,
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: «Нетопыри! вотъ ваше просвѣщенье.»

ЮПИТЕРЪ И ФАВНЪ.

Зевесъ, боговъ царь и отецъ,
Въ красотку гордую влюбился;
Юпитеръ ли не молодецъ?
Но онъ напрасно волочился. —
Меркурія къ ней посылалъ
Съ богатыми Зевесъ дарами,
И Эскулапа заставлялъ
Любовь возжечь въ ней порошками.
Худой успѣхъ они имѣли;
Амуръ, сердецъ могущій богъ,
Напрасно также тратилъ стрѣлы.
Но кто Юпитеру помогъ? —
Былъ Фавнъ, мохнатая скотина
И рожу всю имѣлъ въ угряхъ.

Но Фавнъ танцёръ, и вотъ причина,
Что принятъ былъ во всѣхъ домахъ.
По Фавнову Зевесъ совѣту
Сталъ Фавновымъ ученикомъ;
Чтобъ нравиться любви предмету,
Юпитеръ сдѣлался козломъ.
Не стало важности въ Зевесѣ:
Онъ прыгаетъ и ночь и день;
Вертится вихремъ въ экосесѣ,
Танцуетъ даже *а ла Ренъ* *).
Красотка скоро полюбила
Зевеса, свѣтскаго козла,
И за терпѣнье наградила,
Чѣмъ бога наградить могла.
Юпитеръ Фавна обнимаетъ:
Познай мохнатый другъ, какъ Зевсъ
Твою заслугу награждаетъ.
Твой родъ взнесу я до небесъ!
Потомки Фавна будутъ славны:
Всѣ будутъ танцовать учить;
Я право вамъ даю, о Фавны!
Красоткамъ голову кружить! —

Красотки Фавновъ уважаютъ,
Въ семъ постоянны лишь онѣ;
Мужчинъ красотки оцѣняютъ
Не по уму, но по ногѣ.

---

*) *Минуэтъ а ла Ренъ.*

ЦВѢТЫ И СОЛНЦЕ.

Цвѣты, прельстившися своими красотами,
Смотрѣли гордыми на солнышко глазами;
Но солнце отъ цвѣтовъ лишь отвратило взглядъ—
Исчезла ихъ краса и сладкій ароматъ.

Что наша мудрость вся, что добродѣтель строга?
Ничто безъ солнца цвѣтъ—и мы ничто безъ Бога!

МОЛОДОЙ ОРЕЛЪ.

Не внявъ отцовскому совѣту,
Орелъ поднялся со гнѣзда:
Летитъ, летитъ по свѣту,
И въ слѣдъ за нимъ летитъ бѣда:
Орелъ попался въ сѣти;
Орломъ играютъ дѣти;
А чтобы онъ не могъ летать
И крыльями пощечинъ надавать,
Любимца Зевсова мальчишки ощипали,
И наконецъ Орла индѣйки заклевали.

О, быстрый юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

МЕЛЬНИЦА БЕЗЪ МЕЛЬНИКА.

Какъ мелетъ мельница! — но что? — въ ней
пыль одна,
А хлѣба въ мельницѣ не видно ни зерна:
Такъ мелетъ пыль она? — —
Вотъ если бъ мельникъ былъ, молоть бы меньше
стала,
Но хлѣбъ молола бы; молоть бы пыль престала.

Мололъ бы меньше Титъ и пыли бъ не пускалъ,
Когда бы языкомъ разсудокъ управлялъ.

РАЗГОВОРЪ О СОЛОВЬѢ
МЕЖДУ ДРОЗДОМЪ И СОРОКОЮ.

«Каковъ же Соловей!
Вѣдь вы его, сударыня, видали?»
— Видала, батька мой: ужъ то-то дуралей!
«Такъ, видно, голоса его вы не слыхали?
Ахъ, какъ поетъ! нельзя его не почитать!»
—Fi donc! ты соловья чрезчуръ ужъ выхваляешь.—
«А ты, мадамъ, за что его такъ унижаешь?»
— Онъ прыгать не гораздъ, не мастеръ лепетать?

Такъ о достоинствѣ Сороки разсуждаютъ,
И въ этомъ женщины имъ часто подражаютъ!

ПАРИКЪ И БОЛВАНЪ,

НА КОТОРОМЪ ЕГО РАСЧЕСЫВАЮТЪ.

—

Съ плѣшивой знатности когда парикъ снимали,
То самый сей парикъ болванъ носилъ. —
Ужъ то-то, чаю, вы сегодня разсуждали?
Болванъ у Парика спросилъ:
Вѣдь много, думаю, у знатности разсудка?
—Какъ у тебя, дубоваго отрубка.

ВОЛЫ И ЛОШАДЬ.

—

Спросили нѣкогда у Лошади Волы:
За что боярину понравились Ослы?
Вѣдь работать они намъ мало помогаютъ,
Однако больше ихъ и кормятъ и ласкаютъ.
—И вы не знаете, Конь отвѣчалъ Воламъ,
За что такая честь Осламъ
И барская немилость къ намъ?
Такъ знайте, братцы:
Мы Русскіе, Ослы же иностранцы! —

СВИНЬИ И ЯГНЕНОКЪ.

Ягненку погулять безъ матери случилось,
И горе страшное бѣдняжкѣ приключилось:
Увязъ въ болотѣ онъ; барахтаяся тамъ,
Блеялъ о помощи къ свиньямъ,
Что̀ въ тинѣ нѣжились, въ серали какъ султанъ.
Расхрюкалося вдругъ Эпикурейцевъ стадо;
Не помогать оно — упреки дѣлать радо:
«Въ какую ты забрелъ, безстыдникъ, грязь?
Вотъ молодость, увы! къ чему приводитъ васъ!
А если бъ пожилымъ скотамъ повиновался,
Тогда бъ, молокососъ, въ бѣду ты не попался;
Каковъ ты прежде былъ? — какъ свинка бѣлъ,
пригожъ;
Теперь же, посмотри, ну, на кого ты схожъ!»
Такъ мудрецы сіи ягненка укоряли;
Но между тѣмъ они того не примѣчали,
Что сами глубже всё въ болотѣ погрязали.

Всякъ скажетъ, кто сію (ужъ какова ни есть)
Изволитъ басенку прочесть:
Бываютъ и у насъ наставники такіе —
Всѣмъ проповѣдуютъ, а сами не святые.

ПЧЕЛА И ОСА.

Оса Пчелѣ такъ говорила:
«Давно во мнѣ ты зависть возбудила.
Нашъ родъ вездѣ гонимъ;
Вашъ родъ вездѣ любимъ,
Хоть также вашего боится всякой жала,
И лучше насъ еще умѣете язвить!»
— Не спорю, что язвимъ, Пчела ей отвѣчала:
Но медъ любя, насъ можно ль не любить? —

Пчела — то критики полезной сочинитель;
Оса — безмозглый шпынь, завистливый хулитель

МОСЬКА И СОБАКА НА ПРИВЯЗИ.

«Ахъ! сжалься надо мной, сіятельная Моська!»
Любимцу барскому Песъ старый говорилъ:
Весь вѣкъ усердно я на привязи служилъ;
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужасъ былъ всегда для здѣшнихъ всѣхъ во-
ровъ,
Я былъ прямой слуга, не изъ числа льстецовъ.
Воззри, премудрый Мопсъ, на многія заслуги,

На дряхлость лѣтъ моихъ, на слабость и недуги;
Доставь въ награду мнѣ, почтенный мой патронъ,
Хоть каплю молока» — Да гдѣ такой законъ?
Съ презрѣньемъ временщикъ рѣчь Псову пре-
рываетъ:
Нѣтъ! баринъ милостей своихъ не расточаетъ;
Послушай! — молоко дается только намъ,
Придворнымъ господамъ;
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тѣмъ, что вамъ даютъ помои.—

ПЫЛЬ И АЛМАЗЪ.

Потерянный Алмазъ въ пыли лежалъ,
Алмазомъ Пыль пренебрегала.
«Ахъ! какъ ты предо мною малъ,
Она ему сказала:
Съ земли я гордо подымаюсь,
И въ уши и въ глаза прохожему бросаюсь;
Здѣсь знаютъ всѣ меня: и лапоть и башмакъ!
А ты . . . какой бѣднякъ!
Ни кто тебя не примѣчаетъ.»
— За Пылью?... вдругъ Алмазъ смиренно от-
вѣчаетъ.

И умъ тамъ не блеститъ,
Гдѣ глупость наглая, какъ пыль глаза мрачитъ.

ЖЕЛѢЗО И КУЗНЕЦЪ.

«Мучитель! къ Кузнецу Желѣзо вопіяло,
На толь я создано, чтобъ отъ тебя страдало,
Чтобы переносить ужасный, адскій жаръ;
Чтобъ сильный молота разилъ меня ударъ?»
— Терпѣніе! Кузнецъ Желѣзу отвѣчаетъ:
Минетъ страданіе, ты примешь лучшій видъ,
И свѣтъ, что̀ на тебя съ холодностью взираетъ,
Полезное въ тебѣ орудіе почтитъ.

Таковъ сей басни смыслъ, читатель:
Нашъ возвышаетъ духъ чрезъ бѣдствія Создатель!

НАХОДКА.

Въ ночь лѣтнюю глупецъ примѣтилъ, что блеститъ;
А что̀ въ травѣ блеститъ, о томъ не разсуждаетъ:
Глупцовъ блескъ всякой удивляетъ. —
Безмозглый радъ
И мнитъ, что кладъ
Безцѣнный онъ находитъ,
Къ безцѣнности подходитъ;

Хватаетъ съ жадностью дурацкая рука;
Повѣсилъ носъ глупецъ — нашедши червяка.

Не знавши коротко другихъ кто оцѣняетъ,
Глупѣе, чѣмъ дуракъ, тотъ умникъ поступаетъ.

ДУРАКЪ И ДРАГОЦѢННЫЙ КАМЕНЬ.

Не полированный, но очень драгоцѣнный,
Попался камень дураку.
Глупецъ, какъ видно, былъ минералогъ отмѣнный,
На камень посмотрѣлъ — и зашвырнулъ въ рѣку.

И дарованіе цѣнить не всякой знаетъ;
Глупецъ не видитъ ихъ, иль, видя, презираетъ.

БАРЫШНИКЪ.

Оставя прочія заботы,
Въ торговлю Клитъ вступилъ:
Стопу бумаги онъ купилъ,
И собственной работы

Стихами написалъ;
Потомъ о барыщѣ великомъ возмечталъ.
Но тщетно съ риѳмами носился по базару:
Гуртомъ и въ розницу продать не могъ товару.
Ужъ Клитъ и самъ стопѣ не радъ;
Пытался въ лавку онъ отдать ее назадъ,
Но лавочникъ не бралъ, хоть дѣлалъ Клитъ уступку.
Насилу, въ горести, набрёлъ онъ на купца,
Который взялъ стопу за рубль у молодца,
И сталъ воспламенять свою стихами трубку.

Иной богачъ,
Какъ бѣдный сей риѳмачъ,
Богъ вѣсть, что затѣваетъ,
И наконецъ барышъ такой же получаетъ.

ОСЕЛЪ ВЪ СЧАСТІИ.

«Ты помнишь ли Осла, Волъ лошади сказалъ:
У нашего онъ господина
Навозъ таскалъ;
Но, къ удивленію, сія скотина
На верхъ величія взошла:
Фортуна по уши влюбилася въ Осла!
Навозъ сперва возилъ, а нынѣ возитъ папу,
И папскіе льстецы Осла цѣлуютъ въ лапу;

Обвѣшенъ золотомъ, осыпанъ жемчугомъ,
Изъ смирной твари онъ сталъ страшнымъ гор-
децомъ.»
— Да сталъ ли онъ умнѣй средь пышности и славы?
Спросила Лошадь у Вола?
«Сего-то сдѣлать лишь Фортуна не могла.
Перемѣняетъ честь вѣдь не умы, а нравы!

ДАМОНЪ.

Дамонъ имѣлъ не малу честь
Фортуны зрѣть въ себѣ любимца,
И у Дамона, у счастливца,
Не можно даже было счесть
Родныхъ, друзей горячихъ, страстныхъ,
Не только кушать съ нимъ, и умереть согласныхъ,
Но вдругъ Фортуною за что-то презрѣнъ онъ.—
Осиротѣлъ Дамонъ!
Друзья, которые съ нимъ умереть рѣшились,
Не видя прибыли, всѣ въ бѣгство обратились.
Лишь не разсталася собака съ бѣднякомъ,
Являя ласки одинаки.
Дамонъ задумался, и произнесъ потомъ:
Увы! друзья мои не стоятъ и собаки.

НАДПИСИ.

СУВОРОВУ.

Мечемъ весь міръ страшилъ иной воитель славной,
Но самъ предъ счастіемъ невѣрнымъ трепеталъ.
Суворовъ — къ колесницѣ бранной
Съ побѣдой счастье приковалъ.

ПЫШНОМУ МАВЗОЛЕЮ.

Народамъ и вѣкамъ сей мраморъ горделиво
Вѣщаетъ: «здѣсь лежитъ временъ краса и диво:
Свѣтильникъ мудрости, громъ браней и побѣдъ;
Не смертный, — полубогъ, дрожалъ предъ коимъ свѣтъ.
Со страхомъ проходи, о, путникъ! близъ могилы.»
— Врешь мраморъ! подъ тобой лишь горсть презрѣнной пыли.

НЕИЗВѢСТНОМУ СОЧИНИТЕЛЮ ПѢСНИ О ПОХОДѢ ИГОРЯ ПРОТИВЪ ПОЛОВЦЕВЪ.

Дьячекъ ли, Дьяконъ ты, Подьячій, или Дьякъ,
Кто бъ ни былъ ты: Лука, Софронъ или Ермакъ—
Живи подъ именемъ странъ Россиихъ Оссіана.
Но кѣмъ бы назвали мы твоего Баяна?

ЗЛОНРАВУ.

О, рокъ! еще ли я въ бѣдахъ не искусился?
Злонравъ мнѣ въ дружбѣ изъяснился
И душу мнѣ свою хотѣлъ онъ подарить,
То есть, чуму привить!

КЛИТУ.

Равняешь ты меня съ Жилблазомъ;
Но съ кѣмъ же я тебя сравню?
Съ Скотининымъ Тарасомъ? —
Нѣтъ! все еще твой умъ я дорого цѣню.

ЭПИГРАММЫ.

ПОЛЬСКОМУ КОРОЛЮ ПОПИЛЮ,

КОТОРАГО, КАКЪ ГОВОРИТЪ ЛѢТОПИСЬ, МЫШИ СЪѢЛИ.

О участь жалкая несчастныхъ королей!
Чего не дѣлаетъ надъ ними рокъ нахальной!
Имъ Попиль осужденъ на ужинъ для мышей,
Какъ-будто бы король огарокъ свѣчки сальной!

ТАРАСУ-АВТОРУ.

Тьфу пропасть! все еще, Тарасъ, ты сочиняешь;
То есть: писателей другихъ ты обираешь!
Пора покаяться; ну полно воровать!
Возможно ль авторству такъ жертвовать собою:
Ты правъ, что ты рожденъ съ порожней головою,
Но, совѣсть погубя, вѣдь будешь отвѣчать.

КЛИТУ.

Клитъ мною огорченъ, отмщеньемъ злобнымъ дышетъ.
О, какъ я радъ! пускай сатиру онъ напишетъ.
Я одъ его боюсь: то сущая хула;
Сатира слѣдственно мнѣ будетъ похвала.

ПО СЛУЧАЮ СПИСЫВАНІЯ ПОРТРЕТА СЪ ОДНОГО ПРЕМУДРАГО МУЖА.

Вы пишете портретъ съ философа Ослова:
Похвально славный ликъ въ портретѣ сохранить.—
Но выдумка сія, повѣрьте мнѣ, не нова;
Вамъ можно болѣе философа почтить:
Съ живаго кожу снять и чучелу набить.

КЪ ВѢТРАНАМЪ.

Умомъ Французъ, красой Вѣтранъ снабжаетъ мода.
Уже ли ничего имъ не даетъ природа? —

ГУРУ.

Къ Христовой вѣрѣ Гуръ презрѣнья кажетъ видъ!
Глупецъ онъ былъ всегда, давно ли сталъ онъ Жидъ?

СКУПЯГѢ.

Что не говѣлъ сей годъ, скупяга, ты жалѣешь:
На что тебѣ говѣть, ты цѣлый вѣкъ говѣешь.

ПИГМАЛІОНУ,

КОТОРОЙ ВЛЮБИЛСЯ ВЪ МРАМОРНУЮ СТАТУЮ.

—

Гордися ты, Пигмаліонъ!
Превозноси свою судьбину:
Въ прекрасный мраморъ ты влюблёнъ,
А прочіе должны влюбляться въ глину *).

КЛИТУ.

—

Учился долго Клитъ и очень много знаетъ,
Но глупо мыслитъ онъ, глупѣе поступаетъ:
По знаніямъ — подробный, Клитъ, Словарь,
А по уму Букварь.

КЪ МОДНЫМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

—

О жены модныя! несносенъ вамъ Поэтъ,
Однако и ему въ васъ, право, нужды нѣтъ:
Лишь Граціи его и Музы восхищаютъ,
А куклы не прельщаютъ.

---

*) Уже ли мы глина? спросятъ женщины. — Вольно вамъ не читать Библіи.

КУТЕЙКИНУ,
который, кончивши въ Семинаріи Поэзію, посвящёнъ въ пономари.

Прошедъ Поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейкинъ осѣдлалъ;
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

КЪ НАБѢЛЕННОЙ КОКЕТКѢ.

«Кто набѣлилъ тебя, Вѣтрана?»—Кто? Амуръ.—
Возможно ль! богъ любви сталъ нынѣ шту-
катуръ?

ЛЕКАРЮ.

«Весь городъ удивленъ твоимъ выздоровленьемъ!»
Сегодня съ гордостью мнѣ лекарь говорилъ.
— Да! да! я отвѣчалъ ему на то съ почтеньемъ:
Всѣ ахаютъ, что ты меня не уморилъ.

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ.

Оставя нектаръ, скипетръ, громъ,
Юпитеръ, по уши влюбленной,
Къ Данаѣ, въ башнѣ заключенной,

Спустился золотымъ дождёмъ. —
Прошли тѣ времена, настали вѣки бѣдны,
И рада красота, какъ льется дождь и мѣдный.

ОСЛУ-ВЕЛЬМОЖѢ.

Дивитесь, что оселъ вельможею сталъ нынѣ,
И должно кланяться преглупой сей скотинѣ;
Но для чего ослу вельможею не быть,
Когда могъ древле быкъ въ Египтѣ богомъ слыть?

ФРАНТУ, ПРИЧЕСАННОМУ *à la coq*.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной;
За диво можно бы показывать его:
Пѣтушій гребень у него
На головѣ ослиной.

ФОКѢ.

Нашъ Фока хвастаетъ своимъ широкимъ лбомъ,—
Затѣмъ, что Харьковскимъ украшенъ онъ гербомъ.

ВИРТУОЗУ АНТИПУ.

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы и лѣса и тартаръ подвигалъ;
А ты, Антипъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычокъ лишь подвигаешь.

ЕМУ ЖЕ.

Коль Роде, или Дицъ играетъ —
Въ весельи каждый восклицаетъ,
Восторга ощущая жаръ;
О музыка! небесный даръ. —
Но лишь Антипъ въ гудокъ зазвонитъ,
То каждый охаетъ и стонетъ,
Вопитъ: о бѣдствіе людей!
О музыка! ты бичъ ушей.

ЕМУ ЖЕ.

Что, каково вчера оркестромъ мы играли?
Мнѣ съ гордостью Антипъ сегодня проворчалъ:
— О, Боже! я вскричалъ:
Вы слухъ мой растерзали;
Согласья нѣтъ у васъ: иль скрипки ваши въ ссорѣ?
— Согласья? крикнулъ онъ въ задорѣ:

Какой нелѣпый вздоръ,
Искать согласія межъ нами:
Межъ флейтой, скрипками, басами —
Когда въ Европѣ всей господствуетъ раздоръ!

БОМБАСТУСУ.

Безчисленны міры, и солнца, и кометы,
Протекши времена, системы, аргументы
Въ огромной головѣ Бомбастусъ все вмѣстилъ;
И если бъ мозгъ имѣлъ, не глупъ бы очень былъ.

ВЕСЕЛЬЧАКУ.

Ума и остроты въ заемъ ты хочешь дать;
Но гдѣ тебѣ ихъ взять? —

ЕМУ ЖЕ.

Напрасно весельчакъ такъ гордо помышляешь,
Что остротой меня и разумомъ снабжаешь:
Хотя ты иногда красно умѣешь врать,
Но все ль то золото, что можетъ лишь блистать?

КЛИТУ.

Когда Державина безъ чувства Клитъ читаетъ,
То мнѣ ль писать стихи? Нѣтъ! полно; Фебъ!
прости:
Но скромный василекъ престанетъ ли цвѣсти
Затѣмъ, что грубый мулъ и розу попираетъ? —

ГЛУПОНУ.

Дивитесь, глядя на Глупона:
Разъ пятьдесятъ прочелъ Невтона!
И что жъ? — теперь Глупонъ —
Вы скажете Невтонъ?
— Нѣтъ! всё Глупонъ.

ЧОРТЪ И СМЕРТЬ.

«Куда, курносая?» — Иду я за душою. —
«Къ кому?»—Къ Секретарю: такъ велѣно судь-
бою! —
«Ахъ! какъ проста судьба: живетъ она въ глу-
ши: —
Какой въ Секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ чёрти.»

ВОПРОСЪ ФРАНЦУЗА И ОТВѢТЪ РУССКАГО.

«Мы служимъ вамъ: мычать васъ по-французски учимъ;
А что даете намъ за важный трудъ такой?»
— Какъ, что? бездѣлицу: и кормъ и водопой,
Да сверхъ того мы васъ своимъ богатствомъ вьючимъ.

ГОРАЦЕВУ ПОДРАЖАТЕЛЮ.

Изъ краткой оды Фирсъ лишь произнесъ два слова,
Вселенная зѣвать готова.

ЕМУ ЖЕ.

И въ длинныхъ одахъ, Фирсъ, твой умъ не длиненъ былъ,
А въ краткихъ ты его лишь больше сократилъ.

ЕМУ ЖЕ.

И Ломоносовъ нашъ ничто, Фирсъ, предъ тобою:
Страницами того не производитъ онъ,
Что можешь произвесть ты строчкою одною:
Досаду, смѣхъ, и грусть, и сонъ.

ПЕДАНТУ, СОЧИНИВШЕМУ ЭПИГРАММУ.

Вотъ чудо, да оно не снилось и Адаму;
Пѣтухъ индѣйскій снёсъ — яйцо? — нѣтъ,
эпиграмму.

СНОВИДѢНІЕ.

Кричитъ во снѣ жена: «Ага!
Поймала я барана за рога!»
— Опомнись! Богъ съ тобою! —
Мужъ отвѣчаетъ ей:
Ты, сонная, рукою
Меня схватила за тупей.

ХРѢНОѢДУ.

Какъ строго Хрѣноѣдъ постится каждый годъ.
— Чему же удивляться?
Привыкъословъ смиренный родъ
Сухоядѣніемъ питаться.

ПОДЬЯЧЕМУ.

Я такъ же, какъ солдатъ, Отечеству служу;
Не правда ли?—меня ты, Кохтинъ, вопрошаешь.
Большое сходство я межъ вами нахожу:
Тотъ кровь свою, а ты чернила проливаешь.

ГЛУПОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Ужъ и осёлъ
На Пиндъ забрёлъ.

БЕЗБОЖНИКУ.

Другіе, можетъ быть, тому дивиться станутъ,
Что Страшному Суду, Свиньинъ, не вѣришь ты;
Но я скажу: ты правъ! предъ Богомъ не предстанутъ
Безсмысленны скоты.

ФЕДУЛУ.

Унизить предприннялъ Федулъ меня словами;
Возвысить я хочу Федула похвалами:
Въ награду свѣтъ почтетъ обоихъ насъ лжецами.

СИЛУ.

Въ Парижъ поѣхалъ Силъ; но съ чѣмъ пріѣдетъ къ намъ?
Ума не вывезетъ; кису оставитъ тамъ.

ПРЕКРАСНОМУ, НО ГЛУПОМУ МУЖЧИНѢ.

Ахъ! какъ прекрасенъ Титъ; но молвить правду-
матку:
Езопъ онъ на изнанку!

ГУРУ.

О Небо! пощади несчастнаго меня:
Пусть онѣмѣетъ Гуръ, иль пусть оглохну я.

ЕМУ ЖЕ.

Природа разными снабжаетъ насъ дарами:
Какъ левъ тотъ силенъ, храбръ; сей зритъ
быстрѣй орла.
Хотя Гуръ по уму не стоитъ и осла,
Но въ свѣтѣ Гуръ великъ — козлиными ногами.

ТАНЦМЕЙСТЕРУ ЛЕГКОСКОКУ.

Что древле былъ Орфей, то Легкоскокъ межъ
нами:
По слову вдругъ его колоды скачутъ съ пнями.

КЛИТУ.

Я Клитомъ раздраженъ, и вотъ тому причина:
Изъ-подтиха меня онъ больно укусилъ;
Но можно ли, чтобъ я ему сатирой мстилъ?
Сатира для людей, а для него. . . . дубина.

НЕВѢРОЯТНЫЙ СЛУХЪ.

Что слышу? говорятъ, что разны сочиненья,
Какъ то: рецензію и длинны разсужденья
Готовятъ для тисненья!
Помилуйте! ужель печатныхъ мало вракъ,
Въ которыхъ продаютъ на площади табакъ?

ЭПИТАФІИ.

ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ.

Россія! гдѣ твой Петръ? — Во гробѣ онъ лежитъ!
Ужели и боговъ смерть злобна не щадитъ?

ЗАВОЕВАТЕЛЮ.

Стой, путникъ! . . . Здѣсь гигантъ ужаснѣйшій лежитъ;
Предъ нимъ вселенна трепетала!
—Возможно ль! великанъ въ сей ямочкѣ зарытъ?
Стыдись вселенная! потрясъ тобою. . . карла.

НАДУТОВУ.

Какъ мало черезъ смерть Надутовъ потерялъ:
Онъ въ жизни былъ ничто, а въ гробѣ прахомъ сталъ.

ВЕЛЬМОЖѢ.

Въ подземномъ здѣсь дворцѣ вельможа обитаетъ,
Своею знатностью червей онъ угощаетъ.

МОПСУ, ПОГИБШЕМУ ОТЪ ЛЮБВИ.

Чувствительный! вздохни о Вертерѣ второмъ;
Онъ такъ же страстенъ былъ, но только былъ съ хвостомъ.

АНТИПУ ВИРТУОЗУ.

Весь вѣкъ Антипъ игралъ, несносно слухъ терзая;
Онъ умеръ наконецъ, гудокъ свой обнимая,
И положить его съ собою завѣщалъ.
Прохожій! берегись, чтобъ онъ не заигралъ.

ЕМУ ЖЕ.

Здѣсь плоть Антипова по смерти почиваетъ,
Но въ адѣ духъ его нынѣ должность отправляетъ:
Для муки грѣшниковъ на скрипкѣ тамъ играетъ.

ЕМУ ЖЕ.

Неутомимый здѣсь Антипъ слёгъ для покоя:
Онъ былъ толь дивный виртуозъ,
Что отъ игры его во время лѣтня зноя
Крещенскій всякаго по кожѣ дралъ морозъ.

ЕМУ ЖЕ.

Прохожій! трепещи: могилу зришь тирана;
Онъ звѣрствомъ превзошелъ Нерона, Тамерлана:
Покою ни кому мучитель не давалъ;
Младенцевъ, старцевъ, онъ друзей, родныхъ терзалъ;
Ни плачъ, ни вопль его не трогали утробы;
Онъ рѣзалъ у живыхъ сердца; былъ тигръ, палачъ!
Дрожишь и хочешь знать: кто, кто сей извергъ злобы,
Кто былъ сей живодёръ? — Онъ былъ Антипъ скрипачъ.

ЛЕКАРЮ.

Здѣсь погребенъ
Врачебныя управы членъ:
Два Лекаря надъ нимъ искусство истощили; —
О, если бъ Лекари лишь Лекарей лечили!

ИГРОКУ.

Сынъ счастія, кого всѣ *короли* любили!
Гдѣ слава днесь твоя? Увы! прошла какъ дымъ.
Холопы игроку и *дамы* измѣнили;
Лишь *черви* поползли за нимъ.

БАРДУСУ.

Здѣсь Бардусъ погребенъ: что звучностію гласа
Превосходилъ и Музъ, и Феба и Пегаса.

ОДНОМУ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВѢКУ.

Прекрасная душа, прелестно юно тѣло
О преимуществѣ имѣли спорно дѣло,
Которое рѣшить недоумѣлъ и свѣтъ;
Но тяжбу оную рѣшилъ врачей совѣтъ.

Г. . . . . У.

Помѣстье, домъ прекрасный,
Кареты, цуги, все оставилъ сей несчастный,
И въ вѣчность отошелъ пѣшкомъ
Съ одною ношею — съ *горбомъ*.

ВЫСОКОУЧЕНОМУ.

Гніетъ здѣсь гордая Латинь.
Аминь.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ПОЛУЧЕНІЕ КАНДИДАТСКАГО ДОСТОИНСТВА.

Къ перу! излей восторгъ и радость опиши!
За риѳмой риѳма въ слѣдъ, стихъ за стихомъ
спѣши.
Десницей мощною ученаго Сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой Кандидата!
И Слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! а ты Дедаловъ правнукъ, Блюмъ!*)
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И, что всего важнѣй, толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

---

*) Извѣстнѣйшій въ городѣ столяръ.

СТИХИ ПО ПРОЧТЕНІИ СУМАРОКОВА.

О, горе, горе намъ,
Мелкопомѣстнымъ риѳмачамъ!
Когда Парнасскій Князь, преславный Сумароковъ,
Который бочекъ сто парнасскихъ выпилъ токовъ
И лавки книжныя стихами завалилъ,
Когда и онъ страдалецъ риѳмы былъ.
Въ твореніяхъ его у ногъ Екатерины
Цвѣтутъ для риѳмы райски крины;
А гдѣ стоитъ Великій Петръ,
Тамъ по неволѣ дуетъ вѣтръ.
Нѣтъ, риѳма! ты забудь насъ почитать рабами,
Иль, разсердясь, тебя мы презримъ сами.

ПОХВАЛА ГУСИНОМУ ПЕРУ.

Природа перьями довольствуетъ гусей,
А гуси оными снабжаютъ писарей;
Гусиное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
И писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!
За данно вамъ добро
Природу, гуси, восхвалите;
За драгоцѣнное перо,
Подьячіе, главу предъ гусемъ приклоните!

ФОРТУНА.

Зевесъ позвать къ себѣ Фортуну приказалъ;
Но гдѣ ее курьеръ Зевесовъ отыскалъ?
Не добродѣтели достойно награждала,
Въ конюшнѣ каменной осла она ласкала!

КЪ НѢКОТОРОЙ ШКАТУЛКѢ.

Шкатулка дорогая,
Хотя изъ дерева, однако золотая!
Магнитъ шкатулка для плутовъ,
Приманка для воровъ,
Ласкателямъ забава,
Завистникамъ отрава,
Пресвитеровъ желанье,
Подьячихъ претыканье;
Прибѣжище купцовъ брадатыхъ,
Дворянъ надежда тороватыхъ,
Пристанище несчастныхъ кораблей,
Житейскихъ посреди морей,
Лишенныхъ денежнаго груза
Чрезъ двойку или туза!
Будь крѣпко заперта, шкатулка, для воровъ,
Для мотовъ, для ханжей, бездѣльниковъ, льсте-
цовъ;

Гони прочь отъ себя и ябеду съ когтями,
И зависть жолтую съ бѣсовскими глазами!
Отверзта бѣднымъ будь и добрымъ помогай,
Тогда отверзется и для шкатулки рай.

ЗЕРКАЛО И УРОДЪ.

УРОДЪ.

Ты, грубое стекло, меня приводишь въ стыдъ.
Такъ гнуснымъ смѣешь ли изображать мой видъ?
Будь вѣжливо: польсти!

ЗЕРКАЛО.

Льстить, право, не умѣю;
Лесть свойственна лисѣ, собакѣ и лакею.

СРАВНЕНІЕ.

Коль умъ — небесный огнь: печь — наша голова;
Что жъ наши знанія? — солома и дрова!

КОНЧИНА
ОДНОГО МОЛОДАГО, ЗНАТНАГО И БОГАТАГО ЧЕЛОВѢКА.

Постой, свирѣпа смерть! кричатъ съ любовью
младость;
Взгляни! едва, едва мы въ жизни процвѣли,
Налюбоваться мы другъ другомъ не могли. —
— Хоть насъ ты пощади, вопитъ съ богатствомъ
знатность;
Пускай поговоритъ о нашемъ блескѣ свѣтъ!
Оставь счастливца, смерть! уже ль несчастныхъ
нѣтъ?
Но ежели угодно такъ судьбинѣ,
Чтобъ принесли, о смерть! тебѣ мы жертву нынѣ:
Шесть тысячъ душъ у насъ: любую выбирай!
Лишь съ жизнію ты насъ не разлучай! —
— Умолкните! смерть грозно отвѣчаетъ:
Трава, о смертные! вы предо мною всѣ;
Но тѣхъ коса моя охотнѣй подсѣкаетъ,
Которы счастія цвѣтутъ на высотѣ.

СОБАКИ.

Погладивъ сѣраго, ласкать я жучку сталъ,
На жучку сѣрой вдругъ напалъ.
То видя, я сказалъ:
Коль можетъ зависть быть межъ тварію такою,
То какъ ужъ людямъ намъ не грызться межъ
собою! —

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Гордитесь, смертные, умомъ;
Но безпристрастно кто въ дѣянья ваши вникнетъ,
Съ прискорбіемъ воскликнетъ:
Ахъ! міръ сей—сумасшедшихъ домъ!

СТИХИ НА ПУТИ ИЗЪ ГОРОДА ВЪ ДЕРЕВНЮ.

Ужъ за заставой я:
Какая мнѣ отрада!
Передо мной. . . . прелестныя поля;
За мною. . . . пыль и кирпичей громада!

ЦВѢТОЧЕКЪ.

«Теперь краса твоя, цвѣточекъ, насъ прельщаетъ;
Но ахъ! увянешь ты.»
— До будущей весны!
Безбожнику цвѣточекъ отвѣчаетъ. —

ЛИРИЧЕСКІЯ.

ПОЭТЪ.

Смирись! кто бъ ни былъ ты, хотя бъ властитель
свѣта:
Чтó пышный жребій твой предъ участью Поэта?
Хоть бѣденъ, но блаженъ; хоть смертенъ, но
онъ *богъ*.
Такъ! *богъ*: коль и боговъ творить онъ древле
могъ.
Какъ пламень быстро онъ вселенну пролетаетъ,
Орломъ надъ солнцами онъ крылья расширяетъ,
Сквозь свѣта Океанъ во мрачны бездны зритъ,
Объемлетъ естество и жизнь ему даритъ.
Чудесъ толикихъ мать повѣдай, древность, міру,
Коль всемогущъ Поэтъ, держа священну лиру:
Волшебнымъ гдѣ ея касался онъ струнамъ,
Средь дикихъ вдругъ пустынь раждались грады
тамъ;
Къ стопамъ его лѣса и горы преклонялись,
И тигры передъ нимъ, ласкаясь, простирались:
Такъ сей природы царь творилъ и покорялъ!
Коль въ тартаръ нисходилъ, и тамъ повелѣвалъ!
О, даръ изящнѣйшій, даръ божествамъ завидный!
Вы лишены его тираны ненасытны:
Вамъ можно лишь въ крови народы потоплять;
Поэтъ имѣетъ даръ безъ брани побѣждать.

Тамъ ваши узники терзаются въ мученьи,
Здѣсь плѣнники его ликуютъ въ восхищеньи;
Прегорьки слезы тамъ, сладчайши здѣсь текутъ;
Тамъ власть ужасный бичъ, а здѣсь къ блаженству путь;
И если бъ симъ путемъ ходили человѣки,
Златые на земли господствовали бъ вѣки:
Тогда бы смертныхъ родъ, лобзая жребій свой,
Не преклонялъ колѣнъ, о счастье! предъ тобой. —
Что чувствую? восторгъ объялъ меня небесной!
Открылось предо мной видѣніе чудесно:
Я зрю народовъ сонмъ въ прелестнѣйшей странѣ;
Благоговѣютъ всѣ! — Средь сонма на холмѣ
Я полубога зрю, иль мужа вдохновенна!
Въ очахъ его душа сверкаетъ раскаленна;
Какъ предъ грозою день, его такъ мрачный видъ,
Улыбкой освѣщенъ, прельщаетъ и страшитъ.
Взлетѣлъ на лиру онъ крылатыми перстами
И слаще соловья воспѣлъ съ ея струнами.
Любовь и дружество, златая цѣпь сердецъ!
Васъ въ пѣсни возгласилъ божественный пѣвецъ,
И чисты жертвы вамъ повсюду воспылали!
Вражда! низринься въ адъ, народы восклицали.
Низринулась! гласитъ въ восторгѣ имъ Поэтъ,
И какъ Эдемскій садъ міръ миромъ процвѣтетъ.
Умолкнулъ! . . и вѣнцемъ оливнымъ увязенный,
Въ храмъ славы отошелъ, пѣвцамъ опредѣленный.
Не на развалинахъ сей храмъ сооруженъ,
Не черепами людей злосчастныхъ покровенъ;
Не зрятся жертвы тамъ трепещущи, сраженны

И не обрызганы тамъ черной кровью стѣны.
Убійцы! прочь отсель! Такъ, тигры, сей не вамъ
Прекрасный и святый воздвигнутъ славы храмъ.
Пусть чудится вамъ лесть, ползая предъ вами;
Но здѣсь коль встрѣтитесь съ правдивыми пѣвцами,
Проклятіемъ на васъ ихъ лиры возгремятъ
И сей ужасный гласъ всѣ вѣки повторятъ. —
А ты, мужъ доблестный, что правдѣ побораешь,
Мечемъ какъ молніей лишь злобѣ угрожаешь,
Приближься! . . . се тебя безсмертіе зоветъ
И лиру звучную Поэту подаетъ.
Отнынѣ не умрешь, великодушный воинъ!
Отъ истинна пѣвца хвалой ты удостоенъ.
Во мракѣ скрыть хотѣлъ Сатурнъ твои дѣла,
Раздался лирный звукъ и озарилась мгла. —
Таковъ Поэтъ! — О, сколь возлюбленъ тотъ судьбою,
Кто съ пламенной рожденъ и нѣжною душою;
Священный на кого наитствуетъ восторгъ,
Кого пѣть научилъ самъ стихотворства богъ;
Другъ добродѣтели, врагъ гнуснаго порока,
Не ждетъ онъ милостей отъ своенравна рока!
Крезъ въ блескѣ, въ роскошахъ блаженства не имѣлъ;
Гомеръ былъ въ нищетѣ, но раемъ онъ владѣлъ.

ЗЛАТОЕ ВРЕМЯ.

Будетъ время, что престанетъ
Лить фортуна сладкій ядъ,
Смертныхъ больше не обманетъ
Еввы сей прелестный взглядъ.

Будетъ время: умъ отважный,
Лилипутскій великанъ,
Замыслы оставитъ важны
Досягнуть эѳирныхъ странъ.

Будетъ время, что страсть нами
Не дерзнетъ уже играть;
Не дерзнетъ она сердцами,
Какъ Султанъ повелѣвать.

Будетъ время, что гремушка
Не плѣнитъ, Герой, тебя,
Ни блестящая игрушка:
Перестанешь быть дитя.

Будетъ время: полъ прекрасный
Не наложишь ты оковъ,
И не будутъ намъ опасны
Миловидность и любовь.

Будетъ время, что гонитель
Слабыхъ кровь престанетъ пить;

И небесный правды мститель
Громъ положитъ опочить.

Будетъ время, что смирятся
Люди, вздорливы слѣпцы,
И покоемъ насладятся,
Какъ прямые мудрецы.

Будетъ время: дарованья
Глупости не оскорбятъ,
И уродливы созданья
Не поставятъ имъ преградъ. —

Но сіе златое время
Не наступитъ никогда.
— Нѣтъ! наступитъ, но тогда,
Какъ исчезнетъ смертныхъ племя.

ОСЕНЬ.

— ◡ ◡ — ◡
— ◡ ◡ —

Скучна природа
Стала ты вдругъ,
Ясна погода
Съ лѣтомъ прошла.

Сизы туманы
Вьются вездѣ,
Мрачны надъ нами
Тучи висятъ.

Хоръ сладкогласный
Птичекъ умолкъ,
Ревъ лишь ужасный
Слышенъ звѣрей.

Листъ упадаетъ
Съ шумомъ съ древесъ,
Цвѣтъ увядаетъ,
Гибнетъ трава.

Томны бросаю
Взоры вокругъ
И ощущаю
Въ сердцѣ печаль.

Вѣчно ли стану
Въ жизни цвѣсти? —
Тоже увяну
Въ осень мою.

КЪ РОССІИ.

Гордись, Россія! ты сынами;
Гордись предъ прочими странами!
О, славна мать! твой каждый сынъ
Ужасный сердцемъ исполинъ.

Онъ въ жертву все тебѣ приноситъ:
Покой, имущество и кровь;
Царя міровъ усердно проситъ:
Продли въ насъ къ матери любовь!

Пускай завидливой рукою
Судьба подпишетъ приговоръ:
Сразится цѣлый свѣтъ съ тобою,
И вскрикнетъ: смерть, или позоръ?

Смерть! смѣло мы злодѣямъ скажемъ,
И землю кровью обагримъ;
Судьбѣ завистливой докажемъ,
Что храбрый Россъ непобѣдимъ.

СВЯЩЕННАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ПѢСНЬ ВѢРѢ.

Воспряни духъ мой усыпленный!
Всю бодрость нынѣ ты яви:
Страстей тиранствомъ наложенны,
Постыдны цѣпи разорви;
Да узришь ты себя достойнымъ
Небеснымъ пламенемъ горѣть,
Усерднымъ гласомъ и пристойнымъ
Всесильна Бога дщерь воспѣть.

Прекроткую и преблагую
Дщерь правосуднаго Творца,
Стремлюсь я Вѣру пѣть святую. —
Прочь, прочь, строптивыя сердца!
Лжемудрецы! для васъ невнятенъ
Гласъ истины, гласъ пѣсни сей;
Вамъ фурій адскій крикъ пріятенъ,
Учащихъ злобѣ васъ своей.

Съ небесъ, откуду свѣтъ нисходитъ,
Простри, богиня, лучъ ко мнѣ,
Туда мой духъ свой взоръ возводитъ:
Се, воскриленъ паритъ къ тебѣ!
Священный страхъ его объемлетъ,
Безмолвенъ сталъ и удивленъ;

Онъ сладкогласнымъ ликамъ внемлетъ,
Отвсюду блескомъ ослѣпленъ.

Не се ли Вышняго чертоги,
Отколь вселенной правитъ Онъ,
Отколѣ праведный и строгій
Изрекъ твореніямъ законъ? —
Отсель міры въ прахъ обращаетъ
И новы маніемъ творитъ;
Отселѣ Онъ въ душахъ читаетъ
И каждую песчинку зритъ.

У трона, славой окруженна,
Гдѣ Громовержецъ возсѣдитъ,
Се на колѣнахъ, толь смиренна,
Дщерь Бога, Вѣра предстоитъ!
Умильный знакъ ея блистаетъ
Сердечной теплою слезой,
Такъ Май лилею украшаетъ
Алмазной по зарямъ росой.

Съ простертыми она руками:
«О грозный Богъ! о мой Отецъ!
Речетъ любезными устами,
Призри на вѣрныхъ мнѣ, Творецъ!»
Всей злобой ополчась, бунтуетъ
Противъ меня адъ на землѣ:
Да Сѣверъ, другъ мой, торжествуетъ
И возвратитъ полсвѣта мнѣ.»

«Мои разрушилъ Западъ храмы,
Лжемудрость божествомъ нарекъ;

Тамъ тартаръ овладѣлъ душами
Въ исполненный разврата вѣкъ!
Единый Сѣверъ защищаетъ
И добродѣтель и меня,
Всемощный! онъ къ Тебѣ взываетъ:
Прославь его! прославь Себя!»

Такъ Вѣра Россамъ поборaетъ!
Таковъ ихъ къ ней усердья плодъ!
Доколѣ Вѣру почитаетъ,
Цвѣтущъ пребудетъ сей народъ;
Простертъ лишь къ ней свои онъ длани,
И адскихъ избѣжитъ сѣтей:
Такъ Вѣрой крѣпокъ Россъ во брани
И непоступенъ средь смертей.

Но что за Фурія сіяетъ
И пламень вержетъ на меня?
Какъ жаломъ — взоромъ уязвляетъ;
Впилася въ сердце ей змія,
Другія вкругъ главы віются
И черный ядъ, шипя, ліютъ;
Слова ужасны раздаются
И душу всю мою трясутъ.

«Страшись ты моего отмщенья!
Кому хвалу ты воздаешь!
Во дни толики просвѣщенья
Кого, безумный, ты поешь?
Дерзнулъ ты славословить Вѣру!
Стократъ мудрѣйшіе тебя

Презрѣнну видятъ въ ней химеру
И чтутъ богинею меня.»

«О, несравненная награда
Для ревностныхъ рабовъ моихъ!
Обильно всѣ утѣхи ада
Лію всечасно я на нихъ:
Съ улыбкой по цвѣтамъ ступаютъ;
Нѣтъ тернія на ихъ пути;
Сомнѣнья, страхи попираютъ;
Къ нимъ скорбь не смѣетъ подойти.»

«Воззри на моего любимца:
Онъ прахомъ былъ покрытъ и тмой,
И се сіяетъ какъ Денница;
Онъ вознесенъ, прославленъ мной!
Я власть даю ему надъ міромъ! —
Плѣнись его ты торжествомъ,
Повергнись предъ моимъ кумиромъ,
Почти нечестье божествомъ!»

Исчезни адско порожденье!
Не божество, ты бичъ земли!
Свирѣпство, ужасъ, истребленье
Всегдашни спутники твои!
Гдѣ ты — оттуда вожделѣнны
Бѣгутъ согласье, тишина;
Съ кѣмъ ты — въ томъ нравы развращенны,
Душа того злодѣйствъ полна.

Коль гибельно то упоенье,
Что̀ въ сердцѣ производишь ты!

Пройдетъ ужасно изступленье,
Исчезнутъ буйственны мечты,
Съ отчаяньемъ тутъ извергъ взглянетъ
Въ зерцалѣ правды на себя;
Но тщетно проклинать онъ станетъ
Тогда, чудовище, тебя! —

О смертный! Вѣрой ты одною
Блаженство истинно найдешь!
Царемъ поставленъ ли судьбою,
Иль въ низкой долѣ жизнь ведешь;
На лонѣ ль счастья почиваешь,
Иль злобнымъ рокомъ ты гонимъ,
Да съ Вѣрой твердо пребываешь,
И Небомъ будешь ты хранимъ.

Какое зрѣлище чудесно!
Се съ горнихъ мѣстъ она грядетъ,
Надежда и Любовь небесна,
Обнявшись, идутъ ей во слѣдъ,
Всѣ добродѣтели, руками
Сцѣпясь, нисходятъ въ дольный міръ,
И неба отягченъ дарами
Грядетъ въ вѣнцѣ оливномъ миръ.

Божественный отъ странъ эѳира
Внезапно къ намъ стремится гласъ;
На крылахъ легкаго зефира
Къ прекрасну сонму обратясь,
Такъ Вѣра кроткая вѣщаетъ:
«Внемлите, стонетъ какъ земля;

Какъ въ блѣдны перси ударяетъ
Раба невѣрная себя!»

«Что въ буйствѣ, дерзка, предпріяла?
Къ погибели своей она
Войной противъ того возстала;
Изъ персти кѣмъ сотворена;
Измѣной адской обольщенна,
Предъ злобною царицей тмы,
Въ знакъ рабства, пала на колѣна;
Отринутъ Богъ, презрѣнны мы!»

Исторгнувшись вдругъ разъяренна
Изъ ада буря какъ летитъ,
Крылами вихрей восхищенна;
День нощію, нощь днемъ творитъ,
Стихіи съ ревомъ побуждаетъ
Сражаться яро межъ собой;
И вмигъ въ природѣ разрушаетъ
Порядокъ дивный и покой.

Такъ Фуріями вдохновенна,
Съ геенскимъ факеломъ въ рукахъ,
Стремится мать предерзновенна
Сердца воспламенятъ въ сынахъ:
Въ нихъ буйство, злобу возбуждаетъ,
Страстямъ свирѣпствовать велитъ,
Блаженства прочнаго лишаетъ
И адскими мечтами льститъ.

Безумные безумной внемлютъ;

Вотще къ нимъ совѣсть ихъ вопитъ!
Оружье адское подъемлютъ,
Готовы съ небомъ въ бой вступить:
Падутъ со трескомъ царски троны,
Дымятся въ пеплѣ алтари,
Ногами попраны законы,
Шумятъ кровавые ручьи.

Смиритесь, братья, ослѣпленны;
Иль дерзкихъ васъ смирю единъ!
Воскликнулъ мразомъ возращенный
Межъ льдами страшный исполинъ:
Съ васъ иго адское низвергну,
Я васъ заставлю мирно жить;
Власть царску, Вѣру чтить священну
И добродѣтели любить.

Онъ рекъ, и мечъ сверкаетъ
И адски полчища падутъ;
Коварство что́ ни вымышляетъ,
Ничтожнымъ зритъ оно свой трудъ;
Ярится тартаръ, негодуетъ,
На раны, поблѣднѣвъ, глядитъ,
Но съ небомъ купно Россъ ликуетъ,
Зря дерзостныхъ уронъ и стыдъ.

«Грядемъ въ страны благословенны,
Такъ Вѣра спутницамъ речетъ:
Гдѣ племена живутъ мнѣ вѣрны,
Тамъ насъ усердіе ихъ ждетъ;
Для насъ и храмы тамъ отверзты,

Готовы чисты жертвы нам,
Но сердце Россовъ чуждо лести,
То намъ прекрасный будетъ храмъ».

Гряди къ намъ Вѣра благодатна!
О, коль намъ вожделѣнна ты!
Страна у насъ сурова, хладна,
Но сердце полно теплоты;
Найдешь въ немъ доблесть и покорность
Тебѣ, законамъ и Царю,
Найдешь всегдашнюю готовность
Принесть вамъ въ жертву жизнь свою.

Вовѣки царствуй ты надъ нами
О, Вѣра! ты блаженства мать;
Мы любимъ, чтимъ тебя сердцами,
Стремимся скипетръ твой лобзать:
Ты въ жизни сей для насъ отрада,
И въ вѣчности веселье намъ.
Терзайтеся любимцы ада:
Вамъ горе здѣсь и горе тамъ!

СОНЕТЪ *).

Колико, Господи, судьбы Твои правдивы!
Веселіе Твое — намъ милости творить;
Но Ты, Создатель, зришь пути мои строптивы,
И правдою судя, мнѣ можешь ли простить?

Такъ, Боже, предъ Тобой я грѣшникъ нечестивый:
Достойно власть Твоя мнѣ казнь опредѣлитъ:
Спастись не долженъ рабъ, какъ я, грѣхолюбивый,
И благость къ намъ Твоя его не пощадитъ!

Пролей Ты на меня всю праведную ярость,
Яви къ слезамъ моимъ презрѣніе, не жалость:
Грянь, громомъ порази, и бранью брань отмсти;
Погибну я, законъ и гнѣвъ Твой обожая.

Но что! куда перунъ повергнешь Ты?
Зри! — всюду кровь на мнѣ Христова пресвятая.

(* Переводъ изъ Дебаро.

МОЛИТВА.

Услышь меня, о Боже, съ высоты!
Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
Подай, Всещедрый, мнѣ не то, чего желаю;
Но то, что Самъ подать восхищешь Ты!

ПРОЗА.

СКАЗАНІЕ О ѲЕМИДѢ И ОБЪ ИНОПЛЕМЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

—

Обитаемая нами планета значитъ менѣе во вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присутствіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по своему пространству и многолюдству, заслуживаютъ названіе міровъ Губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе Земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подьячимъ, котораго карманъ ужасная бездна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцевъ Земнаго Шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! Не столько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рукѣ просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее происшествіе:

Быстро катилася Ѳемидина одноколка по эѳирной столбовой дорогѣ. На границѣ Юпитерской атмосферы удивительное зрѣлище представилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно

подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усильной просьбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною мантильею. Симъ воспользовалась Ѳемида и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челобитчика. Какое-то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся Луна указала ей на крыльцѣ высокихъ палатъ: чернильницы сокрушенныя, бумагу растерзанную и перья изгрызенныя.—Здравствуй, Правосудіе-челобитчикъ! вѣщала съ усмѣшкою Луна. Странно мнѣ, Ѳемида, что ты, при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ, повѣсила уже носъ. О, сколь будешь ты утѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей твоихъ! Клянусь Стиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе самыя неугомонныя твари. Теперь, во время всемірной тишины, иные изъ нихъ за карточными столами гремятъ алтынами; другіе, при неистовыхъ восклицаніяхъ, бьютъ въ дребезги опорожненныя флаги и красоули; иные же, въ ябедническомъ изступленіи, заставляютъ кричать несчастныя перья; даже и тѣ, которыхъ Морфей держитъ на привязи, нарушаютъ страшнымъ храпѣніемъ спокойствіе природы. Прости, жалкое подьяческое божество! скоро увидишься ты съ Авророю. Багряная сія богиня не замедлила показаться верхомъ на красной лошади. И съ богини, и съ коня сыпались румяна. Примѣтя въ

Ѳемидѣ удивленіе, Заря сказала ей: такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣвственную красоту подьячихъ здѣшней планеты. Райскія розы цвѣтутъ на ихъ пухлыхъ ланитахъ, и небесная лазурь (бываетъ нерѣдко) у нихъ подъ глазами. Внезапно отворились двери храма и вышло нѣкое приказное чудо для нѣкоего нетерпящаго проволочки дѣла. Ужасный писарь возвратился въ свое логовище, зѣвая и потягиваясь. Не только бѣднаго челобитчика, но и Аврору взглядомъ онъ не удостоилъ. Вотъ, сказала Аврора Ѳемидѣ, одинъ изъ твоихъ причетниковъ. При наступленіи ночи, Морфей засталъ его въ храмѣ твоемъ еле-движущагося, и повергъ безчувственна съ презрѣніемъ подъ лавку. Ахъ! еслибы Морфей не подъ лавку, но въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное порожденіе ябеды, находившееся при послѣднемъ издыханіи отъ чрезмѣрнаго пріема пьяной акциденціи. Ты видѣла, какъ грубо обошелся со мною крючкотворецъ. Но можетъ ли Заря обижаться нечувствительностью сего животнаго. Само солнце никогда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива, чтобы великолѣпіемъ его восхищался подьячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подьячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнію куфахъ, производятъ они только броженіе. Правда! воскликнулъ Фебъ;—и Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѳемидѣ усердное почитаніе, ускакала. Въ слѣдъ за нею отправилась и тишина. Разнозвучные голоса колоссальныхъ жи-

телей Юпитера потрясли воздухъ. Сиповатый и принужденный подьяческій голосъ отличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. Вскорѣ покрылась Өемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное туловище, проворныя ходули, острыя когти, желѣзный лобъ, мутные глаза; ноздри табаку алчущія, уста водки жаждущія, уши длинныя, пернатыя и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, вступила во храмъ Правосудія, а бо̀льшая направила стопы къ Бахусову капищу. Богиня-челобитчикъ дрожащею ногою коснулася прага судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа: я здѣшняго храма понамарь! Должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жертвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Өемидино святилище молельщиковъ. Подай алтынъ!—Тщетно Правосудіе увѣряло своего понамаря, что оно, по неимѣнію широкихъ кармановъ, не могло запастись алтынами; грубой алтынникъ хотѣлъ уже оттолкнуть отъ дверей бѣдную свою богиню, но Фебъ такъ сильно бросилъ лучъ въ его плѣшивую голову, что пошлина вылетѣла оттуда вмѣстѣ съ памятью. Освобожденная отъ приказнаго Цербера, Өемида вошла во внутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамъ страшная бумажная гора возносила до потолка гордое свое чело, увѣнчанное паутиною; а здѣсь простиралось длинное деревянное поле, усѣянное

чернильницами и табакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на которыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирѣчь, подьячихъ, подошла богиня-челобитчикъ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подьячій, не говоря ни слова, протянулъ къ ней руку. Ѳемида подходила къ каждому изъ нихъ по очереди, но всѣ они молчали и протягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулъ ей наконецъ подьяческій голосъ, что ты челобитчикъ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на твой счетъ утреннюю жертву, и тогда открою тебѣ важныя таинства нашего храма. — Открой мнѣ напередъ, сказала Ѳемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ и гдѣ вѣсы правосудія? Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, отвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Ѳемида вышла изъ храма. Она возвела къ Солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подалъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ. Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ отчаяніемъ увидѣла Ѳемида надпись: *вѣсы правосудія* и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотримъ, говорилъ дьякъ одному отвѣтчику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпри-

страстные вѣсы.—Я кладу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы.—И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости твоего иска?—Не токмо положу, но и поставлю, отвѣчалъ сутяга. Кладу сію сафьянную архиву, наполненную синими, красными и бѣлыми документами; въ дополненіе же ставлю я на безпристрастные вѣсы фуру питательныхъ документовъ и сороковую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска. Отвѣтчикъ проигралъ, воскликнулъ дьякъ; вѣсы Правосудія упали на твою, истецъ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ.—Чувствуешь ли ты, съ гнѣвомъ у дьяка спросила Ѳемида, что такое Правосудіе?—Очень чувствую, отвѣчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь довольно, можетъ быть, сытную для постныхъ людей, именуемыхъ добрыми, но весьма неудовлетворительную для приказной лакомой утробы. Утверждаютъ въ школахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оное Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осетриною и съ копченымъ окорокомъ?—О, Солнце, вскричала Ѳемида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обтекаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще растутъ столь подлые дьяки и подьячіе? Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, приказные не столь

крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почесться украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячіе не опиваютъ и не обыгриваютъ просителей, не кривятъ душею, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны государю и Правосудію. Если бы тамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія, то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ. — А ты, людоѣдъ, вѣщала Юпитерскому дьяку Ѳемида, думаешь ли, что злодѣянія твои останутся ненаказанными? Позовите ко мнѣ искуснаго анатомика! — Всепресвѣтлѣйшая богиня! возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмотрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозволь мнѣ, окаянному, умереть по формѣ. — Между тѣмъ явился искусный анатомикъ, и узнавъ, что должно потрошить дьяка, произнесъ по сему случаю витіеватую латинскую рѣчь. Потомъ, растянувши дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анатомить его карманъ Дьякъ ощутилъ ужасное мученіе и поднялъ жалкій крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движеніе перстовъ, недавно алтыны принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылетѣла она изъ распоротаго кармана въ образѣ нетопыря — и страдалецъ преставился. Богиня приказала разрѣзать лакомую утробу; но анатомикъ поклялся всею Миѳологіею, что отъ вскрытія дьячего чрева непремѣнно произойдетъ моровая язва. Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества крючковъ, основательное познаніе о

ходячей монетѣ, о напиткахъ и съѣстныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило, а въ груди (къ лѣвой сторонѣ) отысканъ большой камень. Ѳемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзать надпись: *чувствительное сердце Юпитерскаго дьяка* — и сію натуральную рѣдкость отослала въ Кунсткамеру. Туда же отправила и дьячій трупъ, посадивши въ наполненную спиртомъ сороковую бочку. Неизвѣстно еще, какъ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анатомическимъ ножемъ и сосланы въ Кунсткамеру.

Преблагородные дьяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподлыхъ вашихъ собратій на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и счастливы, если вы добродѣтельны! Въ противномъ случаѣ, страшитесь Правосудія и ножа анатомическаго.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ О БЛОХѢ.

Блоха занимаетъ не послѣднее мѣсто между мучителями рода человѣческаго. Чернота ея показываетъ, что она есть исчадіе ада. Много ли такихъ счастливцевъ, которые бы хотя однажды въ жизни не испытали лютости сего чудовища? Блоха не смотритъ ни на возрастъ, ни на состояніе; не смягчается просьбами, не боится угрозъ; докучлива какъ проситель, увертлива какъ подьячій, когда персты уязвленнаго имъ Правосудія стремятся его раздавить. Исторія представляетъ намъ ужасный примѣръ вшей, умертвившихъ римскаго диктатора Силлу. Плутархъ, повѣствующій о семъ ужасномъ пораженіи гордости, отдаетъ лавровый вѣнокъ однимъ только вшамъ; но кто не видитъ здѣсь его пристрастія, и кто усумнится, чтобы блохи, всегдашніе союзники вшей, не принимали участія въ достопамятной ихъ побѣдѣ. Такъ міръ трепеталъ предъ Римомъ, Римъ предъ Силлою, а Силла вострепеталъ не предъ одними вшами, но и предъ достойными ихъ союзниками. Отдавая такимъ образомъ должную блохамъ справедливость, признаемся, что торжество ихъ

---

*) Напечатано въ Вѣстникѣ Европы.

надъ могуществомъ побѣдителя Марія и Митридата сколь унизительно, столь и полезно для сильныхъ міра сего. Не лучше ли оно краснорѣчивѣйшей проповѣди учитъ ихъ смиренію? Грeція также не мало потерпѣла отъ нашествій соединенныхъ варваровъ — блохо-вшей. Могучему ея Геркулесу легче было поразить немейскаго льва, лернскую гидру и ужаснаго дракона, нежели богатырскою своею палицею убить хотя одну блоху! Нынѣшнія времена могутъ, по справедливости, гордиться предъ древними тѣмъ, что ни одинъ полководецъ не погибъ подобно Силлѣ. Умалчивая о войнахъ другихъ народовъ, скажу, что наши герои, хотя часто принуждены бываютъ сражаться съ многочисленными арміями азіятскихъ и европейскихъ блохо-вшей, но такъ же храбро побѣждаютъ ихъ, какъ и прочихъ своихъ непріятелей. При всемъ томъ блохи таковы и нынѣ, каковы были при Геркулесѣ; онѣ не измѣнились подобно Римлянамъ и Грекамъ. Между тѣмъ, какъ сіи послѣдніе, забывъ славу Перикловъ, Эпаминондовъ и Агезилаевъ, раболѣпно повергаются предъ султаномъ, блохи, сохраняя древнюю независимость, мужественно нападаютъ на его тучное величество. Тщетно въ сералѣ уродство стережетъ красоту: республиканцы врываются туда и, наслаждаясь прелестями султаншъ, приводятъ въ бѣшенство ревниваго тирана. Чертоги прочихъ государей не всегда безопасны отъ блохъ: онѣ прыгаютъ тамъ посреди другихъ насѣкомыхъ, которыя приближаются къ трону, къ несчастію,

многда народовъ и царей. Часто, весьма часто гонимая добродѣтель смиренно стоитъ въ передней вельможи, а блоха, покровительствуемая фортуною, гордо присутствуетъ въ его кабинетѣ. Но ежели какой льстецъ думаетъ, что палаты царей и вельможъ для блохъ неприступны, да вѣдаетъ, что онѣ и самихъ языческихъ боговъ посѣщали. Длинная Юпитерова брада не однократно касалася земли и служила блохамъ лѣстницею на Олимпъ. Сіи земные выходцы большею частію оставались въ Зевесовой брадѣ, какъ говоритъ преданіе, и столько въ ней размножились, что дерзнули объявить войну царю боговъ. Мудрая Минерва совѣтовала Зевесу обриться, и такимъ образомъ освободить себя отъ угрожавшихъ ему Титановъ; но онъ въ гнѣвѣ, презирая бритву, повергъ Перунъ: тогда потрясся Олимпъ; объятая пламенемъ брада съ шумомъ низпала на землю и причинила тотъ славный пожаръ, который описываетъ Овидій во второй книгѣ Превращеній. Будучи поэтъ, а не историкъ, Назонъ не былъ обязанъ представить сіе происшествіе въ истинномъ его видѣ; почему не удивительно, что онъ сдѣлалъ Өебову колесницу изъ Юпитеровой бороды, а Фаэтона изъ блохъ. И такъ, если могущество Юпитера не устрашило неистовыхъ блохъ-Титановъ, то какая власть на землѣ удержитъ ихъ въ предѣлахъ уваженія? Чего же должна ожидать отъ нихъ добродѣтель? Ахъ! не довольно ли терпитъ она отъ злобы, зависти, коварства и предразсудковъ! надобно еще, чтобы и блохи

преслѣдовали ее по пути жизни. Но утѣшься, несчастная: праведное Небо любитъ тебя болѣе нежели Юпитера. Гордость, пышность, власть вовѣки не укроются отъ блохъ: онѣ сыщутъ ихъ въ адѣ; а для тебя уготовано такое жилище, къ которому ни одна блоха приближаться не дерзнетъ. И ты, бѣдная ученость, тщетно возносишься на чердакъ и, окруженная громадами книгъ, сидишь подъ парикомъ. Мизософы-блохи превозмогаютъ всѣ сіи укрѣпленія, устремляются на тебя со звѣрствомъ Сарацынъ и упиваются твоею кровію. Когда же, послѣ храбраго сопротивленія, удается тебѣ полонить хотя одного изъ темныхъ враговъ твоей свѣтлости, ты не умерщвляешь его, какъ другіе, но съ безпримѣрнымъ блохолюбіемъ заключаешь только въ микроскопъ. Повергнись предъ Александромъ великодушнымъ, что въ Россіи дарованы тебѣ надежнѣйшія средства защищаться отъ блохъ, нежели каковыми пользуешься ты въ Германіи. Въ Россіи не имѣешь ты нужды влѣзать на чердакъ, окружать себя книжною стѣною и потѣть, сидя подъ парикомъ. Казалось бы, что черные кровопійцы должны ужиться въ мірѣ съ своими собратіями, незаконнорожденными чадами Юриспруденціи. Душа подьячаго, которую всякой можетъ видѣть за весьма умѣренную цѣну, даже и по нынѣшнему курсу, душа подьячаго сущая блоха: такъ же черна, такъ же мелка, проворна, язвительна, безстыдна, ненасытна. При всемъ томъ блохи поступаютъ съ подьячими столь же нагло, какъ

они съ своими несчастными жертвами. Вся разность въ томъ, что блохи пьютъ одну кровь, а подьячіе и водку и вино и полпиво и пуншъ и кровь. Да возстанетъ на нихъ несмѣтная сила блохъ; да покроетъ ихъ отъ кармана до пера, лежащаго за ухомъ; да искусаетъ до костей и проникнетъ до сердца, которое тщетно старается грызть беззубая ихъ совѣсть.

Предоставляю мужамъ ученѣйшимъ говорить о началѣ, происхожденіи, законахъ и просвѣщеніи блохъ: матерія обильная, которою можно начинить нѣсколько огромныхъ фоліантовъ!

СЛОВЕСНЫЯ ОБЕЗЬЯНЫ.

Обезьяны составляютъ нѣчто среднее между человѣкомъ и прочими животными. Такая немаловажная честь особенно принадлежитъ тѣмъ изъ нихъ, которыя населяютъ знатную часть западной Европы. Видомъ и смѣшными ухватками онѣ почти тѣ же орангутанги; но отъ сихъ косматыхъ собратій своихъ отличаются, сверхъ гладкости тѣла, способностью болтать и напѣвать аріи.—Какъ! скажутъ мнѣ, подлыя сіи твари имѣютъ безцѣнный даръ слова!—Оставьте восклицанія; намъ ли постигнуть намѣреніе Творца природы. Ему угодно было, чтобъ европейскія обезьяны говорили, и онѣ говорятъ. Словесные орангутанги, не смотря на сродное имъ непостоян-

ство, жили всегда обществомъ. Онѣ имѣли правительство, и даже обряды Богослуженія, не потому, чтобы знали пользу и важность священныхъ сихъ установленій, но изъ одного только слѣпаго подраженія сосѣдственнымъ народамъ. Всякой легко себѣ представить, что царство обезьянъ должно быть презабавное царство. Если сіи животныя и въ дикомъ, безсловесномъ состояніи, въ которомъ онѣ въ Африкѣ и другихъ жаркихъ странахъ находятся, могутъ заставить хохотать самаго угрюмаго лорда англійскаго; то, будучи въ Европѣ общежительными и словесными, должны они имѣть въ высочайшей степени способность смѣшить и забавлять. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ нельзя было лучше предохранить себя отъ ипохондріи, какъ между ними, и потому люди, которые боялись умереть отъ скуки, спѣшили къ нимъ отовсюду. Столица ихъ была наполнена богатыми праздно любцами. Проворныя обезьяны ревностно старались занять своихъ гостей достойнымъ ихъ образомъ. Для сего употребляли онѣ все свое неподражаемое, смѣхотворное искусство, и гости были столько къ нимъ признательны, что, за кривлянья ихъ, бросали имъ полными горстьми не орѣхи, но червонцы. Блестящіе сіи кружечки весьма нравились европейскимъ орангутангамъ: онѣ хватали ихъ съ жадностью, разсматривали и перебирали съ любопытствомъ, побрякивали ими съ нѣкоторымъ тщеславіемъ и берегли ихъ съ великимъ раченіемъ. Такимъ образомъ иная обезьяна стала богата,

какъ Крезъ; а другой Крезъ, поживши въ столицѣ орангутанговъ, сдѣлался голъ какъ обезьяна. Бѣдный сей человѣкъ подвергся неминуемо презрѣнію и наглости тѣхъ самыхъ животныхъ, которымъ оказывалъ онъ свою непомѣрную и преглупую щедрость. Неблагодарные бросали въ него грязью, дѣлали ему тысячу другихъ ругательствъ и принуждали его уходить безъ памяти изъ скотскаго ихъ царства. Дерзость и неблагодарность европейскихъ орангутантовъ не могли произвесть въ людяхъ справедливой ненависти къ подлымъ и насмѣшливымъ тварямъ симъ, напротивъ того, безразсудная къ нимъ привязанность превратилась въ сильную страсть,—и разумныя существа до того наконецъ унизились, что стали подражать обезьянамъ: подобно имъ, кривляться, прыгать, лепетать, считалось отличнымъ достоинствомъ, а упражненія такого рода составляли то, что называлось хорошимъ воспитаніемъ. Знатные и достаточные люди съ великимъ иждивеніемъ выписывали словесныхъ орангутанговъ и съ сердечнымъ удовольствіемъ поручали имъ дѣтей своихъ. Подъ руководствомъ превосходныхъ сихъ учителей, питомцы быстрыми успѣхами восхищали своихъ благоразумныхъ родителей. Въ короткое время дѣлались они такъ же забавными, какъ и наставники ихъ. Орангутангское воспитаніе столько было уважаемо, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ, что самая лестная, для молодаго мужчины, или женщины, похвала состояла въ семъ привѣтствіи: «вы, су-

дарь, или сударыня, ни мало не походите на человѣка; вы совершенная обезьяна, или по крайней мѣрѣ имѣли счастіе воспитываться въ столицѣ словесныхъ обезьянъ.» Но перестанемъ говорить о семъ постыдномъ заблужденіи людей; умолчимъ о пагубныхъ его слѣдствіяхъ и заглянемъ опять въ царство европейскихъ орангутанговъ. Нѣсколько вѣковъ члены забавнаго сего общества играли, такъ сказать, почти всегдашнюю комедію. Если бывали иногда трагическія представленія, то онѣ сопровождаемы были толь странными кривляньями, что, вмѣсто сожалѣнія, возбуждали въ зрителяхъ громкій смѣхъ. Обезьяны казались почти нечувствительны къ бѣдствіямъ: что бы имъ ни приключилось, онѣ прыгали и пѣли. Непрерывная веселость ихъ и многія выгоды, которыя онѣ отъ людей получали, дѣлали ихъ счастливыми животными. Но могла ли существовать вѣчная дружба между непостояннымъ счастіемъ и вѣтреными обезьянами? Долговременное согласіе наскучило и тому и другимъ. Обѣ стороны, для любезной перемѣны, желали сдѣлаться непримиримыми врагами. Коварный нѣкій духъ постарался исполнить взаимное ихъ желаніе. Чтобы навсегда поссорить европейскихъ орангутанговъ со счастіемъ, онъ внушилъ имъ дерзкое, для нихъ и для свѣта пагубное предпріятіе. Словесныя, но безсмысленныя твари сіи возмечтали, что онѣ въ состояніи не только сравниться съ людьми, но и превзойти ихъ. Онѣ захотѣли переступить черту, отдѣляющую, такъ

сказать, словеснаго орангутанга отъ истиннаго человѣка, черту, подлѣ которой всякая обезьяна должна сказать себѣ: *non plus ultra*! захотѣли онѣ умствовать. Въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій грубая ихъ душа (если позволено какую-нибудь душу полагать въ орангутангѣ) достигла мало-по-малу до возможнаго для обезьяны совершенства; но желая итти далѣе, какъ ракъ поползла назадъ. Обезьяны отнюдь сего не примѣтили: бредъ свой почитали онѣ умствованіемъ, и всякій вздоръ, какой только приходилъ имъ въ голову, выдавали за важное открытіе и неоспоримую истину. Все имъ не нравилось, все хотѣли перековеркать, и визжали отъ досады, чувствуя себя не въ силахъ вселенную въ верхъ дномъ опрокинуть. Орангутанги присвоили себѣ названіе философовъ. Посмотримъ теперь, въ чемъ состоитъ великая ихъ премудрость. Орангутангскій философъ долженъ быть такъ же отличенъ отъ не-философа, какъ зеленая мартышка отъ пифика съ бѣлою бородою; онъ презираетъ всѣ обязанности, не имѣетъ ни страха, ни надежды, и боится только одной висѣлицы; осмѣиваетъ все то, что человѣческимъ благоразуміемъ и опытностью признано за нужное, полезное и священное; что возвышало и дѣлало счастливыми не только людей, но нѣкоторымъ образомъ и самыхъ словесныхъ обезьянъ; единственнымъ своимъ законодателемъ почитаетъ онъ природу, а нелѣпыя бредни свои, склонности, прихоти и страсти называетъ ея законами. Сообразно съ сими законами, философу

приличнѣе ходить на четверенькахъ, нежели на двухъ ногахъ; онъ можетъ смѣло посадить на вертѣлъ подобнаго себѣ философа и, сжаривши его, съѣсть какъ барана; ему непристойно любить своихъ родителей и сокрушаться о смерти ихъ, по той важной причинѣ, что никогда волъ не заботится о бѣдномъ состояніи престарѣлаго батюшки своего—быка, и никогда оселъ не оплакиваетъ покойной матушки своей—ослицы. Словомъ: вообразимъ всѣ гнусныя, смѣшныя, жалкія и ужасныя свойства, какія только въ самыхъ низкихъ скотахъ когда-либо замѣчены были, и мы увидимъ тѣ совершенства, къ которымъ ведетъ орангутангская философія. ...

Не съ такою скоростью и легкостью африканскія мартышки вскарабкиваются на вершину пальмоваго дерева, съ какою европейскіе орангутанги стремились на высоту новой премудрости. Успѣхи ихъ были удивительны. Къ чему много способствовала чрезвычайная ихъ дѣятельность, переимчивость, а особливо удобность, съ какою они повсюду и безъ великаго труда могли пользоваться ученіемъ: всякой хлѣвъ былъ для нихъ академія, и всякое четвероногое животное могло, не хуже Канта, преподавать имъ практическую философію. Между орангутангскими мудрецами наиболѣе прославилась одна длинная, желтая, тощая, уродливая обезьяна. Для нѣжнаго уха пріятно будетъ слышать, что она называлась *Rl-oeua*; но была извѣстнѣе подъ именемъ *Ubrt-eoia*. Ее почитали атаманомъ многочисленной филосо-

ческой шайки. Одинъ орангутангъ, коего сладкозвучнаго имени я не помню, написалъ толстую книгу о семъ длинномъ (я хотѣлъ сказать великомъ) своемъ соотечественникѣ. Со всею точностью историка повѣствуетъ онъ, что желтая обезьяна, по большей части, ходила въ красныхъ штанахъ и въ огромномъ рыжемъ парикѣ. Ему казалось, что и сіе обстоятельство будетъ нѣкогда для свѣта драгоцѣнно. Вотъ какъ уважали орангутанги первостатейнаго мудреца своего! Но не одни орангутанги, нѣтъ; должно, къ стыду человѣчества, признаться, что весьма многіе изъ людей почти боготворили безобразную сію обезьяну. Она такъ искусно приправляла философское вранье свое, что трудно было, отвѣдавши его, узнать сокрытый въ немъ ядъ. Однимъ какимъ-нибудь насмѣшливымъ кривляньемъ заставляла она молчать и здравый смыслъ и совѣсть. Ея стараніемъ новая премудрость, какъ нѣкая зараза, распространилась повсюду. Молодые люди, по легкомыслію своему толь близкіе къ обезьянамъ, были наиболѣе подвержены прилипчивой сей болѣзни. Они гордились именемъ орангутангскаго философа, доказывая сужденіями и поступками своими, что не напрасно присвоили себѣ высокое сіе названіе. Вѣру, любовь къ отечеству и всѣ истинно человѣческія добродѣтели почитали заблужденіемъ, предразсудкомъ, невѣжествомъ, варварствомъ; а слово *добрый* было тогда только ими употребляемо (особливо на любимомъ ихъ орангутангскомъ языкѣ), когда хотѣли они

бранить или осмѣять кого-нибудь. При такихъ достоинствахъ чего не доставало имъ, чтобъ быть совершенными философами? того только, что они все еще, не извѣстно по какой причинѣ, ходили не на четвереинькахъ! Длинная обезьяна прыгала отъ радости, видя орангутангскую философію въ толь цвѣтущемъ состояніи; но смерть прекратила ея кривлянья, прежде нежели созрѣли плоды скотскаго ея ученія. Злое зелье сіе было, по возможности, искореняемо разсудкомъ въ странахъ, населяемыхъ людьми; но въ царствѣ европейскихъ обезьянъ ничто не могло препятствовать его размноженію. Словесные орангутанги съ жадностью пожирали дурманъ сей, и объѣвшись его, пришли вв несказанное бѣшенство; вдругъ изъ забавныхъ животныхъ сдѣлались свирѣпыми чудовищами. Не стало въ царствѣ ихъ порядка, который предки ихъ, древнія обезьяны, отъ людей заимствовали. Какъ самыя опасныя изъ американскихъ змѣевъ узнаются по гремушкамъ, такъ самые лютые изъ европейскихъ обезьянъ замѣтны были по красным колпакамъ. Подъ ихъ предводительствомъ бѣшеные орангутанги съ неописанною яростью бросались другъ на друга, грызлись и рѣзались между собою. Можно ли было думать, чтобы неслыханные до того времени ужасы произошли отъ столь смѣшныхъ тварей! Конечно бы неистовое племя ихъ само собою истребилось; но, къ несчастію свѣта, появилась между ними обезьяна ростомъ съ пифика, но гораздо его безобразнѣйшая. Пификъ сей одержалъ верхъ надъ

красными колпаками, и мало по малу поработилъ себѣ и всѣхъ словесныхъ обезьянъ. Казалось, что припадки бѣшенства ихъ прошли; но скоро увидѣли, что сіе было только временное облегченіе въ ихъ болѣзни. Первые признаки возобновившагося бѣшенства оказались въ уродливомъ ихъ обладателѣ, а въ слѣдъ за нимъ одурѣли, по-прежнему, и подвластные ему. Заскрежеталъ зубами, пустилъ пѣну ртомъ и, таща за собою премногочисленную сволочь, ворвался въ сосѣдственныя государства, опустошилъ западъ Европы и бросился на сѣверъ. Но грозный сѣверный народъ умѣетъ потчивать незванцыхъ гостей: то испытали нѣкоторые завоеватели, то испытываетъ достойный ихъ подражатель—бѣшеный пификъ. Уже половина предводимыхъ имъ орангутанговъ погибла отъ жестокой діарреи, которая произошла отъ сильно на нихъ подѣйствовавшаго страха, при первой встрѣчѣ съ раздраженными Гиперборейцами. Остальные, безъ сомнѣнія, будутъ переколочены въ непродолжительномъ времени. Можно бы сдѣлать имъ слѣдующую надгробную надпись, которая бы послужила, можетъ быть, нѣкоторымъ наставленіемъ для ихъ соотчественниковъ и единомышленниковъ: *обезьяны! хотите ли быть счастливы: кривляйтесь, но не умствуйте*; однакожъ нѣкто искреннѣйшій пріятель мой, страстный стихотворецъ, который и во снѣ бредитъ ямбами, утверждаетъ, что заготовленная имъ эпитафія гораздо лучше сей надписи.

Съ согласія его, помѣщаю ее здѣсь, въ концѣ моего о словесныхъ орангутангахъ, повѣствованія.

ЭПИТАФІЯ.

Почто, прохожій, сталъ, узрѣвъ сіи могилы?
Иль мыслишь: здѣсь лежатъ безстрашные Ахиллы.
Бѣги, не заразись ты воздухомъ сихъ странъ,
Гдѣ бѣшеныхъ толпы зарыты обезьянъ.

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ ДВУМЯ МЕРТВЕЦАМИ И МЕРКУРІЕМЪ.

МЕРКУРІЙ, АНГЛІЙСКІЙ ПОЕДИНЩИКЪ И ДИКІЙ СѢВЕРО-АМЕРИКАНЕЦЪ.

Поединщикъ. Пока Харонъ переправится къ намъ съ другой стороны Стикса, позволь мнѣ, Меркурій, поговорить съ дикимъ Сѣверо-Американцемъ, котораго ты сюда со мною привелъ. Я никогда не видалъ такого рода людей. Какой у него свирѣпой взглядъ! — Послушай! какъ тебя зовутъ; ты, конечно, говоришь по-англійски?

Дикой. Да; я выучился языку сему въ ребячествѣ, проживши нѣсколько лѣтъ между Англичанами въ Новомъ-Іоркѣ. Но я возвратился къ Могокцамъ, храбрымъ моимъ землякамъ, прежде нежели достигнулъ совершеннаго возраста; и бу-

дучи, при продажѣ рому, безчестнымъ образомъ обманутъ однимъ изъ твоихъ соотчичей, старался всегда послѣ того не имѣть съ ними никакого дѣла. Однако же я сражался за нихъ вмѣстѣ съ прочими моими земляками въ послѣднюю противъ Французовъ войну, и убитъ находясь въ партіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Но я умеръ въ полномъ удовольствіи; ибо собратія мои одержали побѣду, и покуда меня застрѣлили, удалось мнѣ, къ славѣ моей, снять кожу съ семи мужчинъ, пяти женщинъ и нѣсколькихъ младенцевъ. Въ прежнюю войну совершилъ я гораздо блистательнѣйшіе подвиги. Меня называютъ кровожаднымъ медвѣдемъ; имя сіе дано мнѣ для означенія моей лютости и неустрашимости.

Поединщикъ. Мое почтеніе г. кровожадный медвѣдь: я вашъ покорнѣйшій слуга. Меня зовутъ Ѳомою Пошуэломъ. Фамилія моя очень извѣстна въ Артурѣ. Я родомъ дворянинъ, а ремесломъ картежный игрокъ и человѣкъ съ честію. Убивать людей на похвальныхъ поединкахъ мое дѣло; но я не мастеръ рѣзать женщинъ и младенцовъ.

Дикой. Такъ мы воюемъ. У каждаго народа свои обычаи. Но я догадываюсь, по твоему свирѣпому виду и по скважинѣ, которая видна въ груди твоей, что ты такъ же, какъ и я, убитъ, находясь въ партіи для сдиранія кожи съ череповъ непріятельскихъ. Какъ же то могло случиться, что непріятель твой не ободралъ твоей головы?

Поединщикъ. Я убитъ на поединкѣ. Другъ мой ссудилъ меня нѣкоторою суммою денегъ; но спустя два, или три года, подвергнулся онъ самъ крайнему убожеству и захотѣлъ, чтобъ я съ нимъ расплатился. Мы сошлись въ Гайд-паркѣ. Противникъ мой не умѣлъ драться на шпагахъ, а я былъ искуснѣйшій фехтовальщикъ въ Англіи. Я далъ ему три, или четыре раны, но наконецъ онъ съ такимъ бѣшенствомъ на меня устремился, что привелъ меня въ замѣшательство и произилъ въ легкое. На другой день я умеръ, какъ человѣкъ съ честію, равнодушно и безъ раскаянія. Однако и онъ вскорѣ за мною послѣдуетъ: ибо лекарь объявилъ, что раны его смертельны. Говорятъ, что жена его умерла съ печали, а смерть его приведетъ къ погибели все его семейство, состоящее изъ семерыхъ дѣтей. Такимъ образомъ я весьма уже отомщенъ и утѣшенъ! Что до меня касается, то у меня нѣтъ жены: я всегда гнушался женитьбою. Любовница моя найдетъ вѣрное средство прожить и безъ меня; а дѣти мои не останутся безъ призрѣнія въ воспитательномъ домѣ.

Дикой. Меркурій! я не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Онъ умертвилъ своего согражданина; онъ умертвилъ своего друга. На-отрѣзъ говорю тебѣ, что не сяду въ лодку съ этимъ негодяемъ. Лучше для меня переправиться вплавь чрезъ рѣку: я плаваю, какъ утка.

Меркурій. Переплыть черезъ Стиксъ! нѣтъ!

ты нарушишь законы Плутонова царства. Ступай въ лодку и успокойся.

Дикой. Не говори мнѣ о законахъ: я дикій, и мнѣ они неизвѣстны. Поговори о нихъ съ Англичаниномъ. Въ его отечествѣ есть законы; но ты видишь, что онъ ихъ не уважалъ. Они бы не позволили ему умертвить своего согражданина, и притомъ за то, что онъ потребовалъ своихъ денегъ. Я увѣренъ, что Англичане варвары; но они не могутъ быть свирѣпыми до такой степени, чтобы подобные поступки признавались у нихъ законными.

Меркурій. Ты справедливо осуждаешь Англичанина; но тебѣ ли огорчаться убійствомъ, когда ты самъ умерщвлялъ сонныхъ женщинъ и младенцевъ въ колыбели.

Дикой. Я убивалъ однихъ непріятелей. Я никогда не умертвилъ моего согражданина; никогда не умертвилъ моего друга.—На! положи въ лодку мое покрывало; но смотри, чтобы убійца на немъ не сидѣлъ, или не притронулся къ нему; иначе, я брошу покрывало мое въ огонь, который виденъ на той сторонѣ Стиксѣ. Прощай — я рѣшился переплыть чрезъ Стиксъ.

Меркурій. Симъ прикосновеніемъ жезла моего лишаю тебя всей твоей силы. Плыви теперь, когда можешь.

Дикой. О, могущественный чародѣй! возврати мнѣ мою силу. Право, я не выйду изъ повиновенія.

Меркурій. Возвращаю тебѣ силу твою, но

веди себя порядочно и поступай по моимъ приказаніямъ; въ противномъ случаѣ, опасайся гораздо худшихъ послѣдствій.

Поединщикъ. Отдай его, Меркурій, въ мои руки. Пусть онъ будетъ подъ моимъ присмотромъ. Слушай дикой негодяй! какъ ты осмѣлился презирать моимъ сообществомъ? знаешь ли ты, что въ Англіи принимали меня въ лучшихъ собраніяхъ?

Дикой. Знаю, что ты бездѣльникъ. Не заплатить долгу, убить друга, который ссудилъ тебя деньгами, за то, что онъ отъ тебя ихъ потребовалъ! Прочь съ глазъ моихъ! я утоплю тебя въ Стиксѣ.

Меркурій. Постой. Повелѣваю тебѣ, чтобы ты не дѣлалъ никакого насилія; разговаривай съ нимъ безъ сердца.

Дикой. Долженъ тебя слушаться.—Ну! скажи мнѣ, какое находили въ тебѣ достоинство, что принимали тебя въ хорошихъ обществахъ? Что ты умѣлъ дѣлать?

Поединщикъ. Ты уже слышалъ отъ меня, что я игралъ въ карты; сверхъ того, у меня былъ хорошій столъ: ни въ Англіи, ни во Франціи никто не ѣлъ лучше меня.

Дикой. Такъ ты ѣлъ хорошо! Да ѣдалъ ли ты печонку, стегно или плечо убитаго Француза! Вотъ развѣ славное кушанье! мнѣ на моемъ вѣку разъ двадцать доставалось лакомиться французятиною. Я всегда держалъ хорошій столъ. Жена моя во всей Сѣверной Америкѣ почита-

лась искуснѣйшею въ приготовленіи французскаго мяса. Ты, чаю, согласенъ, что кушанье твое никакъ не могло сравниться съ моимъ?

Поединщикъ. Я безподобно танцовалъ.

Дикой. Попляши-ка со мною. Я цѣлой день въ состояніи плясать, и пропляшу военный танецъ съ бо́льшею живостью, нежели кто либо изъ моихъ земляковъ. Покажи ты намъ свое искусство! Что же ты стоишь, какъ столбъ? Неужели Меркурій ударилъ тебя своимъ жезломъ? Или ты стыдишься показать намъ, какъ ты неловокъ и нескладенъ! Если бы позволилъ мнѣ Меркурій, то бы я тебя заставилъ протанцовать такъ, какъ ты еще никогда не танцовалъ. Говори же, что̀ еще знаешь ты, негодный самохвалъ?

Поединщикъ. И я долженъ все сіе переносить! О Небо! что мнѣ дѣлать съ этимъ нахаломъ? У меня нѣтъ ни шпаги, ни пистолетовъ; а тѣнь его, повидимому, вдвое противъ моей сильнѣе.

Меркурій. Отвѣчай на его вопросы. Ты самъ желалъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Онъ не хорошо воспитанъ; но ты узнаешь отъ него нѣсколько истинъ, которыя по-неволѣ долженъ будешь выслушать отъ Радаманта. Онъ тебя спрашивалъ: что еще умѣлъ ты дѣлать кромѣ того, что ты ѣлъ и танцовалъ?

Поединщикъ. Я весьма пріятно пѣлъ.

Дикой. Ну такъ пропой же мнѣ свою надгробную, или военную пѣсню. Я тебя вызываю

пѣть. — Но онъ онѣмѣлъ! онъ лжецъ, Меркурій. Все вралъ, что ни говорилъ. Позволь мнѣ вырвать у него языкъ.

Поединщикъ. Меня называть лжецомъ! — но ахъ! я не смѣю мстить ему. Какое безчестіе для всей Попуэловой фамиліи! Вотъ сущее мученіе!

Меркурій. Прими отъ меня, Харонъ, сихъ двухъ дикихъ. Можетъ ли грубое невѣжество оправдать сколько-нибудь Могокца въ ужасныхъ его злодѣяніяхъ; о томъ пусть Миносъ разсудитъ. Но что сказать въ пользу Англичанина? не то ли, что поединки вошли въ обычай? но сіе извиненіе ни къ чему здѣсь для него не послужитъ. Не честь побудила его обнажить шпагу противъ своего друга, но фуріи, и — къ нимъ должно его отправить.

Дикой. Если должно изверга наказать, толкни его ко мнѣ, Меркурій. Я великій мастеръ мучить. Вотъ тебѣ, бездѣльникъ, на первый разъ нѣсколько отъ меня пинковъ.

Поединщикъ. О честь моя, бѣдная моя честь! какому подвергаешь ты поруганію!

НѢЧТО ОБЪ УМѢ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Ни чѣмъ столько человѣкъ не гордится, какъ умомъ. Мы охотно иногда соглашаемся, что есть люди знаменитѣе насъ, богатѣе, прекраснѣе. Много если пожалѣемъ о себѣ, что лишены таковыхъ преимуществъ, и позавидуемъ тѣмъ, которые ихъ имѣютъ. Но признаться чистосердечно, что мы кого-нибудь глупѣе—ужасно для нашего самолюбія, и трудно избѣжать тому нашей ненависти, кто станетъ говорить намъ о сей несносной для насъ истинѣ. Такое чрезвычайное къ уму пристрастіе происходитъ, кажется, отъ внутренняго удостовѣренія въ превосходствѣ сего божественнаго дарованія. Ему обязаны мы отличнымъ достоинствомъ существа своего. Кромѣ его, что̀ можетъ внушить намъ презрѣніе къ животнымъ не одного съ нами рода? Чѣмъ похвалимся мы предъ ними? Сильнѣе ли Милонъ слона? прелестнѣе ли Антиной павлина? важнѣе ли Парацельсъ индійскаго пѣтуха. Въ коварствѣ лисица поспоритъ съ самымъ тонкимъ политикомъ, а въ хищничествѣ тигръ не уступитъ ни кому изъ завоевателей. Пусть угаснетъ въ человѣкѣ сія небесная искра, и онъ столько же будетъ имѣть права называться царемъ природы, какъ и всякая обезьяна. Если умъ столь для насъ драгоцѣненъ, если другія преимущества столь предъ нимъ ничтожны: то съ какимъ рве-

ніемъ должны мы стремиться ко всему, что̀ может питать его и возвысить Каждое сдѣланное нами размышленіе, особливо когда открываетъ неизвѣстную намъ до того истину, или хотя умножаетъ только число нашихъ понятій, должно восхищать насъ, а упражненіе такого рода быть пріятною и необходимою для насъ потребностью. Въ самомъ дѣлѣ, чувство сей потребности и желаніе удовлетворить ей бываютъ въ человѣкѣ сильнѣйшею изъ страстей. Исторія представляетъ удивительные тому примѣры. Сей проводитъ жизнь свою въ трудныхъ и опасныхъ путешествіяхъ съ единственнымъ намѣреніемъ распространить кругъ своихъ познаній; тотъ, среди ужасовъ и разрушенія, покойно наблюдаетъ смертоносныя явленія *); иной каплю мудрости предпочитаетъ боченкамъ золота **); другой, исторгнувъ у себя зрѣніе, отчуждается, такъ сказать, отъ всей природы, чтобы жить и заниматься однимъ умомъ ***). Такова его очаровательность! И быстро приблизилось бы человѣчество къ возможному своему совершенству, если бъ она одинаково на всѣхъ людей дѣйствовала. Къ сожалѣнію, не трудно увидѣть ра-

*) Плиній старшій.

**) Друзья Анаксагоровы просили его, чтобы онъ употребилъ нѣсколько часовъ для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ. Могу ли, отвѣчалъ философъ, раздѣлять время мое между дѣлами и ученьемъ, когда я каплю мудрости предпочитаю бочкамъ золота!

***) Демокритъ.

зительную показаннымъ образцамъ противоположность. Весьма многіе, въ отношеніи къ ихъ уму, походятъ на такого витязя, который, таская при себѣ изъ одного хвастовства свой мечъ булатный, не заботится ни мало, что онъ часъ-отъ-часу болѣе тупѣетъ и покрывается ржавчиною. Посмотримъ, напримѣръ, на какого нибудь моднаго вертопраха. Съ какимъ усердіемъ и опасеніемъ всякую почти минуту оправляетъ онъ свою пѣтушью прическу (à la coq); но въ десять лѣтъ не взглянетъ на бѣдное состояніе своего умишка. При всёмъ томъ гораздо болѣе польститъ его самолюбію назвать его просвѣщеннымъ человѣкомъ, нежели когда ему скажешь, что онъ, нося на человѣческомъ туловищѣ ослиную голову съ пѣтушьимъ гребнемъ, есть чудо естества и сокровище кунсткамеры. Что же думать о людяхъ, которые ненавидятъ просвѣщеніе и бѣгаютъ отъ него какъ отъ чумы? Тѣ, которые благословляютъ невѣжество по долговременной къ нему привычкѣ, заслуживаютъ всякое снисхожденіе. Естественно ли, чтобы человѣкъ, родившійся и взросшій во мракѣ, могъ прославлять лучи солнца, которые въ первый разъ поражаютъ слабое его зрѣніе. Мало-по-малу ощутитъ онъ благотворное ихъ дѣйствіе, и тогда не позавидуетъ прежнему своему состоянію. О тѣхъ же, которые не терпятъ свѣта наукъ, какъ бы по особливой своей природѣ, справедливо можно заключить, что они суть филины и нетопыри рода человѣческаго; но какъ

въ угожденіе мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ мірѣ, коимъ управляетъ премудрое божество, такъ въ угожденіе мизософамъ не угаснетъ свѣтъ наукъ въ государствѣ, гдѣ царствуетъ Геній богоподобный.

О ПАМЯТИ.

Втеченіе существъ постороннихъ въ составъ бытія нашего толь велико, что отъ него преимущественно зависятъ наша цѣлость и разрушеніе, блаженство и бѣдствія. Сами по себѣ мы ничтожны, и для того даны намъ чувства, чрезъ которыя знакомимся мы съ природою и получаемъ впечатлѣнія отъ предметовъ, насъ окружающихъ. Въ чувствахъ источникъ удовольствій нашихъ и страданій; но что бы былъ человѣкъ, еслибъ прошедшее для него не существовало? Безчувственный камень былъ бы счастливѣе насъ несказанно. Родъ человѣческой истребился бъ въ самомъ его началѣ; ибо какимъ образомъ избѣгнулъ бы онъ опасностей и удовлетворилъ своимъ необходимостямъ? Зло сіе могло бы приключиться, если бы міръ сей былъ дѣло слѣпаго случая и игры атомовъ; но онъ есть совершеннѣйшее произведеніе непостижимой премудрости, одарившей насъ всѣми для счастія на-

шего нужными способностями и, между ними, *памятью*. Она-то возобновляетъ въ душѣ нашей предметы, когда-либо на чувства наши дѣйствовавшіе. Съ ея помощію человѣкъ въ другой части свѣта видитъ и слышитъ оставленныхъ имъ въ отечествѣ друзей; старецъ окружаетъ себя предметами, занимавшими его во время юности. Память творитъ прошедшее настоящимъ, предметъ отдаленный присутствующимъ.

Но что такое сія удивительная способность? Скажутъ нѣкоторые: она есть хранилище нашихъ понятій, почитаемыхъ ими за нѣчто вещественное. И такъ, по ихъ мнѣнію, мозгъ славнаго Линнея былъ загроможденъ деревьями, Декартову голову наполняли вихри, Платонову треугольники, а Эпикурову пустота съ атомами. Ничего нѣтъ забавнѣе и несправедливѣе. Ближе къ истинѣ слѣдующее. Мозгъ нашъ, имѣя сообщеніе съ органами чувствъ, приводится во время дѣйствія на нихъ какого-нибудь предмета въ нѣкоторое опредѣленное движеніе (modification). Въ такое точно состояніе можетъ онъ послѣ приходить, будучи единственно волею къ тому побуждаемъ. Симъ образомъ произойдетъ въ душѣ нашей одинакое въ обоихъ сихъ случаяхъ измѣненіе ея положенія; т. е. она будетъ занята одинакимъ предметомъ или понятіемъ; и въ семъ, кажется, состоитъ память. Пребываніе ея въ мозгу доказывается тѣмъ, что малѣйшее въ немъ поврежденіе ослабляетъ ее, а иногда и совсѣмъ притупляетъ; между тѣмъ какъ самое лишеніе другихъ

частей тѣла не препятствуетъ ея дѣйствіямъ. Спросятъ: гдѣ же понятія наши, когда мы ими не занимаемся? Ихъ нѣтъ нигдѣ, какъ звуковъ голоса нашего, когда мы молчимъ. Изъ сказаннаго теперь о памяти можно заключить, что совершенство ея зависитъ преимущественно отъ счастливаго устроенія органовъ чувствъ и ея собственнаго. Аѳинскій полководецъ Ѳемистоклъ и математикъ семнадцатаго вѣка Паскаль были много въ семъ обязаны природѣ. Они имѣли толь удивительную память, что первый въ годъ совершенно выучился персидскому языку, а послѣдній, пока не ослабѣлъ въ здоровьѣ, никогда не забывалъ того, что̀ слышалъ, видѣлъ, или читалъ. Не всѣ однако Ѳемистоклы и Паскали; не всѣмъ равно благотворитъ природа; но есть способъ усовершенствовать память, безъ которой прочія душевныя способности почти недѣйствительны и безполезны. Способъ сей — *навыкъ*. Чѣмъ чаще и продолжительнѣе бываетъ въ душѣ какое-нибудь измѣненіе ея положенія, тѣмъ съ большею удобностью оно въ ней возобновляется; т. е чѣмъ чаще представляемъ себѣ какой-нибудь предметъ, чѣмъ долѣе останавливаемъ на немъ вниманіе наше, тѣмъ съ большею скоростью и ясностью возраждается въ насъ понятіе такое. Подобно сему персты начинающаго учиться на какомъ-нибудь музыкальномъ орудіи сперва медленно и неопредѣленно движутся, но при постоянномъ упражненіи гибкость ихъ и проворство увеличиваются, а наконецъ безъ всякаго почти

усилія и вниманія со стороны музыканта дѣйствуютъ съ удивительною живостью и точностью.

Счастливъ, кто съ младенчества занималъ память свою предметами, достойными человѣка; кто въ младости богатъ уже полезными знаніями. Легокъ для него путь къ просвѣщенію. Но и въ противныхъ обстоятельствахъ должно ли отчаяваться? Никакъ. Потеря велика, однако можетъ быть вознаграждена сугубо. Славный Катонъ (Цензоръ) учился въ лѣтахъ уже совершенныхъ, и превзошелъ многихъ, съ дѣтства науками занимавшихся. Несравненный Петръ, образователь великаго народа, образовалъ умъ свой, бывъ на тронѣ и въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Вмѣсто того, чтобы роптать на слабость памяти, надобно трудиться; тогда съ удивленіемъ увидитъ каждый истину сихъ словъ: трудъ и терпѣніе все преодолѣваютъ.

О РАЗЛИЧІИ МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ, ВООБРАЖЕНІЕМЪ И РАЗСУЖДЕНІЕМЪ.

Память, говоритъ Кондильякъ, есть начало воображенія, коего сила еще не увеличилась; воображеніе есть также память, достигшая всей живости, къ коей она способна. И такъ память и воображеніе суть двѣ степени дѣйствія одной душевной способности. Если можно сію душевную способность примѣнить къ ногамъ, то, по

мнѣнію Кондильяка, ходить — значитъ памятовать, а бѣгать — воображать; ибо что такое ходъ, какъ не самой тихой бѣгъ, и что такое бѣгъ, какъ не самый скорый ходъ? Но кто легко ходитъ, тотъ легко и бѣгаетъ; напротивъ сего, не всякой при хорошей памяти живое имѣетъ воображеніе. Съ худою памятью трудно, почти невозможно сдѣлаться ученымъ; не всякой, однако, ученый вымыслитъ Армидинъ замокъ. Правда, что воображеніе не можетъ существоватъ безъ памяти, которая снабжаетъ его, такъ сказать, матеріялами, не вмѣшиваясь въ распоряженіе ими: Посадить Юпитера на облако, приставить къ нему ужасное лице съ сверкающими глазами, съ длинною всклокоченною бородою, и дать ему въ руки перунъ — есть дѣло воображенія; надобно, однако, чтобы напередъ память доставила ему понятіе объ облакѣ, бородѣ и проч.

Въ другомъ мѣстѣ Кондильякъ говоритъ: когда мы посредствомъ разсужденія замѣтили свойства, коими предметы другъ отъ друга различаются, то симъ же разсужденіемъ можно совокупить въ одинъ предметъ свойства, разсѣянныя во многихъ. Такъ стихотворецъ, напримѣръ, составляетъ себѣ понятіе о героѣ, который никогда не существовалъ: тогда производимыя понятія суть изображенія, въ одномъ только умѣ дѣйствительное бытіе имѣющія; и разсужденіе, которое дѣлаетъ сіи изображенія, принимаетъ названіе воображенія. Теперь можно вывесть слѣдующее умозаключеніе: память есть воображеніе, а

воображеніе есть разсужденіе; и такъ память есть разсужденіе; что, однако, для меня сомнительно. Попугай имѣетъ память: онъ можетъ затвердить наизусть слова французскаго языка, но никогда не пойметъ Боссюэтовыхъ проповѣдей, и того несбыточнѣе, чтобы самъ сдѣлался проповѣдникомъ. Я слышалъ отъ охотниковъ, что гончія во снѣ лаютъ, слѣдственно онѣ бредятъ, можетъ быть, о зайцахъ; но не думаю, чтобы гончія разсуждали объ охотѣ, подобно своимъ господамъ. Буцефалу, знаменитѣйшему между лошадьми, могло также пригрѣзиться сраженіе при Арбеллахъ, однако жъ онъ не оставилъ историческихъ записокъ о семъ славномъ происшествіи. Воображеніе и разсужденіе такъ сходны между собою, какъ холодный Январь и знойный Іюль. Человѣкъ, обуреваемый страстями, не разсуждаетъ, но слѣдуетъ воображенію. Молодые люди большею частію имѣютъ воображеніе пылкое и неосновательное разсужденіе; противное тому видимъ иногда у пожилыхъ. Телемаку нужно было не воображеніе, но разсужденіе Ментора. Первое, не будучи обуздываемо послѣднимъ, подобно быстрымъ огненнымъ конямъ Феба, влечетъ стремительно надъ безднами, зажигая къ чему ни приблизится, и несчастный Фаетонъ, неумѣющій управлять имъ, дѣлается его жертвою. Однимъ словомъ: я не понимаю, какимъ образомъ память, воображеніе и разсужденіе могутъ быть одною душевною способностью, различно только дѣйствующею. Опровергать Кондильяка была бы для

меня дерзость непростительная, но сомнѣваться позволено каждому, кто желаетъ научиться размышлять справедливо; въ чемъ, какъ и во всемъ, дѣятельное упражненіе есть одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ успѣху. Сомнѣніемъ я не опасаюсь прогнѣвать тѣнь славнаго сего философа.

ВЗГЛЯДЪ НА ПРОСЬБУ.

КЪ

АЛЕКСАНДРУ I

ДОСТОЙНѢЙШАГО СЫНА ФЕЛЬДМАРШАЛА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО.

О ДОЗВОЛЕНІИ ЕМУ ВЪ ЧЕСТЬ ОТЦА СВОЕГО ПАМЯТНИКЪ ВОЗДВИГНУТЬ.

Простое воспоминаніе о Задунайскомъ, преславномъ героѣ блестящихъ временъ Екатерины, трогаетъ истиннаго Россіянина. Но какой сладостный восторгъ долженъ разлиться по душѣ читающаго сей образецъ сыновней нѣжности и пламеннаго усердія къ отечеству? Безъ сомнѣнія, обѣ сіи добродѣтели водили перомъ знаменитаго просителя въ изящномъ изображеніи его изящнаго намѣренія.

«Каждый сынъ въ правѣ воздвигать пышные монументы отцу своему. Меня убѣждаетъ сердце,

что когда наравнѣ съ другими коснусь я примѣровъ, не воздамъ Задунайскому ни по заслугамъ, ни по собственной обязанности». Вотъ слова, начертанныя сыномъ Россіи и сыномъ Румянцова! Чувствуетъ онъ всю цѣну заслугъ открывшаго Россіянамъ тайну всегда побѣждать невѣрныхъ (такъ сказалъ Карамзинъ о героѣ Кагульскомъ), чувствуетъ великость, святость обязанности къ отцу, даровавшему не одну жизнь, часто бѣдственную, но и способы достигнуть вожделѣннѣйшаго блаженства: заслужить особенную довѣренность Монарха, особенное уваженіе согражданъ и къ блеску славы отцовской придать лучъ славы собственной. . . . .

Далѣе говоритъ проситель: «слѣдуя такому побужденію, я принялъ на себя пойти другою стезею и въ новомъ видѣ въ честь отца моего памятникъ поставить». Взглянемъ на монументъ, который считаетъ онъ достойнымъ одного изъ первыхъ военачальниковъ Россіи, и перваго своего благодѣтеля. Великолѣпіе, искусство не ослѣпитъ, не изумитъ насъ, и кто имѣетъ сердце подобное мрамору, иди — удивляйся мраморамъ: памятникъ Задунайскаго тебя не тронетъ. Но для чувствительнаго — какое зрѣлище! шесть Русскихъ Офицеровъ, подъ знаменами посѣдѣвшихъ, изъ коихъ, можетъ быть, иной сражался при Кагулѣ, находятъ убѣжище, покой, довольство подлѣ священнаго праха великаго вождя Россіянъ. Сими почтенными воинами окружается гробъ Задунайскаго во время печальнаго панихидъ отправленія.

Что величественнѣе и достойнѣе памяти мужа славнаго? Что способнѣе воспалить быстраго юношу огнемъ непобѣдимаго мужества и въ самомъ престарѣломъ защитникѣ отечества питать искру геройства, вмѣстѣ съ силами его исчезнуть готовую? Древность гордится онымъ пышнымъ, хладнымъ, ничтожнымъ мавзолеемъ! Скромный, живый, благотворный памятникъ сей Задунайскаго, украшая теперь счастливые берега днѣпровскіе, украситъ нѣкогда лѣтопись времени нашего. Да умножатся въ Россіи подобные монументы! и тогда забудутъ обелиски египетскіе! Сіе новое превосходное изобрѣтеніе, сей порывъ души благородной изображенъ достойнымъ его образомъ. Краткость, ясность, простота, благородство, живость и разборчивость въ словахъ и выраженіяхъ попеременно и вмѣстѣ украшаютъ сочиненіе. Оно, состоя въ нѣсколькихъ строкахъ, возвыситъ почтеннѣйшаго творца своего надъ многими творцами многихъ томовъ, огромныхъ своею безполезностью.

ПРИМѢРЪ ПРАВИТЕЛЬСТВА СИЛЬНѢЕ ЗАКОНОВЪ.

—

Правительство есть душа гражданскаго общества. Ни государство, ни республика безъ него существовать не могутъ. Благоденствуетъ ли народъ, приходитъ ли въ упадокъ: причиною тому, по большей части, правительство. Какія же средства употребляетъ оно для достиженія великой цѣли — осчастливить милліоны людей? Законы и собственный примѣръ. Что оба сіи средства ему необходимы, сомнѣваться въ томъ, кажется, не должно. Разсмотримъ, которое изъ нихъ сильнѣе и надежнѣе.

Законъ напоминаетъ намъ, что выгоды общественной жизни покупаемъ мы цѣною независимости своей; примѣръ удовлетворяетъ врожденной намъ склонности къ подражанію; законъ говоритъ разсудку, котораго совѣты рѣдко намъ пріятны бываютъ; примѣръ дѣйствуетъ болѣе на сердце, коему охотно мы повинуемся. Первый, будучи нѣчто отвлеченное, весьма не на долгое время останавливаетъ вниманіе наше, а послѣдній всегда почти у насъ, такъ сказать, предъ глазами.

Отъ чего произошла у предковъ нашихъ пословица: каковъ царь, такова и орда; она выведена изъ опытовъ многихъ вѣковъ. Издревле были въ Россіи законы, но видно, что примѣръ дѣйствовалъ сильнѣе, нежели они.

Великіе законодатели чувствовали истину сію. Не упоминая о Ликургахъ и Селевкахъ, скажемъ нѣчто о нашемъ Петрѣ несравненномъ.

Россія, любезное отечество мое! что ты была до времени Петрова? Я не вѣрю иностранцамъ, которые сыновъ твоихъ тогдашнихъ уподобляютъ медвѣдямъ. Хулу они на тебя произносятъ. Однакожъ, если помыслю какихъ трудовъ стоило Петру заставить тебя восчувствовать силы твои и достоинство, то могу ли не удивляться грубой твоей простотѣ и невѣжеству?

Петръ преобразилъ Россію; но его могущественная палица не произвела бы, подобно Моисееву жезлу, чуда надъ сею дикою скалою. Не одну власть самодержавнаго государя употреблялъ онъ; нѣтъ; онъ соединилъ съ нею волшебную силу примѣра. Часто, весьма часто видѣли Россіяне въ Петрѣ не величественнаго монарха, окруженнаго пышными министрами, кичливыми военачальниками, гибкими царедворцами, но потомъ и пылью покрытаго работника среди грубыхъ, простодушныхъ товарищей его! Такъ Зевесъ, оставя громъ и блескъ божества, снисходилъ на землю въ видѣ смертнаго. Но древній богъ сей, повелитель боговъ, принимая человѣческій образъ, принималъ и постыдныя слабости людей. Горе тому, кто послѣдовалъ примѣру его! Не таковъ Юпитеръ — Петръ. Онъ былъ богъ и въ порфирѣ, и въ одеждѣ простаго гражданина, и съ громомъ въ рукахъ, и съ сѣкирою. Чудесною дѣятельностью сообщалъ всѣмъ, отъ ни-

нистра до матроса, электрическую искру божества своего. Когда, возставъ отъ трона, становился въ рядъ съ подданными своими, то въ темнотѣ низкаго званія его искра сія блистала ярче, нежели при свѣтѣ царскаго величія. На полѣ славы, во храмахъ вѣры и правосудія, вездѣ являлъ онъ собою образецъ совершенства. Робкія науки, призванныя имъ изъ странъ отдаленныхъ въ землю, населяемую грозными чадами Сѣвера, питомцами невѣжества и суевѣрія, чувствовали одобреніе, видя, что могущій ихъ покровитель удостоивалъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ смиренныя еще убѣжища ихъ, и бесѣдовалъ съ ними въ царскихъ своихъ чертогахъ. Такъ великій, первый Императоръ Россійскій, служилъ подданнымъ своимъ примѣромъ во всѣхъ гражданскихъ добродѣтеляхъ. И что же? Россія, которая нѣсколько вѣковъ дремала, вдругъ пробудилась и однимъ исполинскимъ шагомъ поравнялась съ знатнѣйшими европейскими державами на пути ко славѣ и просвѣщенію.

ГИМНЪ СЛАВѢ,

или

ВОСТОРГЪ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКАГО ПРЕДЪ ПОХОДОМЪ ЕГО ВЪ ПЕРСІЮ.

Слышу гласъ трубный! Се ты зовешь меня въ слѣдъ за собою; се ты, о Слава! сердца моего единая радость, единая отрада и наслажденіе; Слава жизнь моя, душа моя, блаженство мое! Слава! ты первое блаженство мое; ты кумиръ, которому наиболѣе покланяюсь, и въ жертву тебѣ готовъ я принести и міръ весь и себя. Помыслю только о Славѣ — и прелесть роскошей исчезнетъ. Цѣпи изъ сладостныхъ восторговъ составляли для меня Сирены — и рай утѣхъ отверзался предо мною; цѣпи волшебныя влекли меня къ себѣ розами, прикрытыя сѣти ожидали меня — и, усыпляемый сладострастнымъ пѣніемъ, клонился уже я къ объятіямъ нѣги; но воспомянулъ вдругъ о Славѣ и о величіи моемъ помыслилъ. Ужаснулся слабости моей — и стыдъ наполнилъ душу мою. Вдругъ солнце отъ меня отвратилось и тѣни предковъ моихъ возстенали: онѣ зрѣли меня въ уничижительномъ забвеніи. Воспылалъ огнь на ланитахъ моихъ; очи мои не познали меня: ты ли Александръ? вопрошали они. Разверзлись небеса — и явилась Слава; снишла на златое облако, махнула крылами и облетѣла вселенную. Она опу-

стила завѣсу нощи предъ очи лѣнивыхъ и грубыхъ; отъ облистанія Славы померкли солнца, и непроницаемая мгла вѣчности озарилась. Возгласила подвиги героевъ — и пробудившіеся вѣки внимали ей. Ты низзрѣла на меня и взглядомъ умильнымъ возвратила душу мнѣ; порывъ геройства потрясъ сердце мое и стремительная отважность закипѣла въ груди моей отъ единаго на тебя воззрѣнія, отъ прикосновенія ко мнѣ лучей божественнаго лица твоего. Ниспустилась съ высоты, и явивъ взорамъ моимъ чудесное нѣкое стекло, разрушила очарованіе. Тогда открыла угрожавшую мнѣ пагубу и показала сладострастіе въ истинномъ видѣ его — въ видѣ гнуснаго чудовища. Постыдныя страсти стремились поработить меня во время пылкой юности моей, — и въ Славѣ обрѣлъ я защищеніе мое. Она вознесла духъ мой и поставила его превыше подлыхъ наслажденій, избравъ меня наперстникомъ своимъ. Слава увѣнчаетъ подвиги мои, по мѣрѣ мужества моего увѣнчаетъ ихъ. Съ младенчества возлюбилъ я Славу и тщательно поучался въ наукѣ брани; образцы мои, герои древности, всегда предъ очами моими, и дѣла ихъ возбуждаютъ во мнѣ соревнованіе. Я буду безсмертенъ съ ними и сохраню имя мое отъ забвенія; увѣнчаетъ меня Слава по мѣрѣ стремленія моего къ ней: ищущему тебя летишь во срѣтеніе, и отъ нерадящаго о тебѣ сокрываешься. Ты возбраняешь ничтожеству прикасаться къ великодушнымъ и храбрымъ, и велишь алчному чреву его питаться под-

лыми и женоподобными; ты возрастишь лавръ мой, о Слава! ты малую сѣнь его простреть на всю подлунную; тобою преодолѣю коварнѣйшаго врага моего — Роскошь, и вмѣстѣ съ нею повергну подъ пяту мою презрѣнную рабу ея — Азію. Сіяй, Слава, во вѣки! не преставай блистать и тогда, когда угаснутъ солнца! Божество мое! ты избавляешь меня отъ ужаснаго небытія; ты Небу меня усыновляешь! всѣ вѣки почтутъ любимца твоего; всѣ народы принесутъ ему жертву удивленія. Стремлюсь на поприще твое! Въ концѣ его ожидаетъ меня Міръ на колѣнахъ и Безсмертіе на тронѣ.

КОНЕЦЪ.